

Литрес

ПОЛИНА ЛУГОВЦОВА

ТРОЛЬХОЛ

Чудовища чужих земель

Полина Луговцова

Трольхол

«Автор»

2022

Луговцова П.

Трольхол / П. Луговцова — «Автор», 2022 — (Чудовища чужих земель)

Шорт-лист конкурса "Битва жанров" от Литрес, 2023г. Лонг-лист конкурса "Кислород" от издательства РОСМЭН-2023г. Начинаящая российская художница берется написать картину на заказ. Заказчик, привлекательный швед, хочет увековечить на холсте свой дом, стоящий на берегу острова Трольхол в северо-западной части Швеции. Главное условие заказа – дом требуется изобразить с натуры. Художница приезжает на остров и узнает, что там есть древняя крепость, которая осаждалась врагами множество раз, но так и не была взята. Местные жители уверены, что конунг, основавший эту крепость, удерживал оборону, пользуясь помощью неких мистических существ – не то троллей, не то еще каких-то гигантских монстров. Эти существа чуяли тех, кто являлся с целью чем-то завладеть – будь то земля, дом или даже чье-то сердце. Говорят, эти могучие покровители все еще прячутся в подземельях Трольхола и оберегают остров от чужаков. Чем больше художнице нравится хозяин дома, тем острее она ощущает угрозу, нависшую над ней.

© Луговцова П., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1. Дом	5
2. Фроя	9
3. Юхан	13
4. Эбба	18
5. Сторожевая башня	21
6. Вильма	26
7. Третья дверь	30
8. Дневник Лилли	33
9. Гримтурсены	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Полина Луговцова

Трольхол

1. Дом

В реальности дом выглядит пугающе, совсем не так, как на экране компьютера за тысячи километров отсюда.

Прежде чем принять приглашение, Рин как следует его разглядела, увеличивая масштаб изображения до того, что становились видны мельчайшие детали: потертости и сколы краски на деревянных перилах и ступенях высокого крыльца, следы дождевых потеков на окнах, и даже отдельные камешки на дорожке из светло-серого гравия, убежавшей вдаль, к скалам, среди которых угадывались развалины древней крепости. Она видела этот дом множество раз, и всегда он казался ей цитаделью, оберегавшей безмятежную и обеспеченную жизнь, протекавшую за ее стенами. Откуда же взялось это гнетущее чувство? Почему так хочется развернуться и убежать без оглядки, несмотря на то, что позади плещутся холодные волны, а катер, доставивший ее на этот остров, давно отчалил и наверняка уже скрылся из виду? И куда подевался тот безудержный щенячий восторг, охвативший ее от мысли, что она будет жить в этом доме целое лето, а может, и дольше?

Восторг не отпускал ее до тех пор, пока она не сошла на берег и не оказалась с домом один на один. В тот же миг у нее внутри будто оборвалось что-то, как если бы за спиной схлопнулся поврежденный парашют, и сразу же возникло паническое чувство, схожее с ожиданием неминуемого падения.

Внезапно Рин понимает, почему дом, казавшийся на снимке таким привлекательным, отталкивает ее сейчас.

Тишина... Вот в чем дело.

Шум волн не в счет: полное отсутствие звуков, присущих местам человеческого обитания, навеивает мысли о войнах, опустошающих земли. Ощущение усиливается из-за открывающегося за домом вида на полуразрушенную башню с черными проемами бойниц, в глубине которых мелькает что-то – не то птицы, не то призраки древних воинов, готовящихся к отражению вражеской атаки. В стене, каменной лентой огибающей башню, зияют дыры, похожие на пробоины, сделанные врагом во время штурма. Они могут быть признаком того, что крепость пала. Думая об этом, Рин чувствует горечь поражения, словно сама была когда-то одним из побежденных воинов.

Почему же она не испытывала подобных чувств, когда разглядывала снимок этого места, сидя в своей питерской квартире, в удобном вращающемся кресле с обивкой из кремового велюра, и прихлебывала какао из огромной глиняной кружки? Почему тогда она не уловила эту ауру трагичности? Да потому, что там ее окружали знакомые звуки городской суеты, доносившиеся из открытого настежь окна. Они усыпляли бдительность. Теперь же Рин осознала, что ее решение приехать сюда было не такой уж хорошей идеей, как казалось вначале. А ведь Кира ее предупреждала.

– Ты в своем уме? Собираешься жить в одном доме с мужиком, которого ни разу в жизни не видела? – воскликнула подруга, узнав об ее отъезде, и запустила растопыренные пальцы в свою пеструю коротко стриженую шевелюру. Она всегда так делала, когда не могла подобрать подходящих слов.

– Мы общались по скайпу, – возразила Рин, складывая вещи в чемодан. – Он красавчик, к тому же европеец, да еще и состоятельный. Ты просто мне завидуешь.

– Не обольщайся. Шведы – жуткие скупердяи, а женятся крайне неохотно, предпочитают свободные отношения. Так что едва ли тебе удастся растопить его холодное северное сердце и добраться до его состояния!

– Ну и ладно. Зато денег заработаю. Не поверишь, сколько он предложил мне за картину с его домом. С моими скромными запросами этого хватит года на два сытой жизни. Уволюсь из фастфуда и буду заниматься только живописью. Может быть, это позволит мне достичь новых вершин в творчестве.

Кира презрительно фыркнула:

– Все еще мечтаешь стать великой художницей? Наивная!

– Не великой, но хотя бы востребованной. Хочу зарабатывать на жизнь любимым делом и не тратить время на добычу денег другими способами.

– Могла бы сделать карьеру дизайнера в престижной фирме! Тебе ли не знать, что творчеством зарабатывают лишь единицы, и одного таланта для этого недостаточно, нужны еще и связи в определенных кругах... Даже самым одаренным редко удается пробиться без этих связей.

– Ну почему... Ведь Юхан выбрал меня из множества других художников. Именно мои картины пришлись ему по душе.

– Ну, еще бы он тебя не выбрал! Ты ж натуральная красotka! Таких сейчас днем с огнем не сыщешь, на этом карнавале фитоняшек, силиконовых богинь и всяких фриков. Разве что в глуши какой-нибудь, но кому нужна деревенская дура? Всем подавай утонченных и образованных. Ты как разходишь.

– Он предпочитает мужчин. – Рин не собиралась этого говорить, но слова вырвались сами собой.

– Ого! Он сам так сказал? Вы даже такое обсуждали?! – Кира схватилась руками за голову и снова взъерошила свой малиново-фиолетовый ежик. – Обычно в деловых беседах подобные темы не затрагиваются. Или он – конкретный псих, может, даже маньяк, или ты мне чего-то недоговариваешь.

– Он сказал, что ему было бы проще иметь дело с художником-мужчиной, но мой стиль ему очень понравился. Увидев мои работы, он подумал, что они выполнены признанным мастером, и никак не ожидал обнаружить в лице автора меня, безвестную малевальщицу.

– Он назвал тебя малевальщицей?! – Кира раскрыла рот и шутиливо приподняла рукой отвисшую челюсть.

– Нет, конечно! – Рин рассмеялась. – Он хвалил мои картины.

– Цену должен набивать продавец, а не покупатель. Какая ему с этого выгода? Значит, заманивает! – Кира запальчиво потрясла руками перед лицом Рин, будто на этот раз хотела добраться до ее волос.

Милая заботливая Кира... Вспоминая о ней, Рин чувствует нежность и умиление. Подруга так искренне и трогательно за нее волновалась! Даже в аэропорту не оставляла попыток ее отговорить.

Но Рин все-таки улетела. Теперь она стоит на одном из островов огромного архипелага, смотрит на большой и красивый, но совершенно чужой дом, и отчаянно хочет поскорее вернуться назад, несмотря на то, что хозяин этого дома показался ей на редкость привлекательным мужчиной во время их общения по видео.

Юхан Лофгрэн напоминал ей любимого актера Мэла Гибсона в молодости: крупные черты лица, породистый прямой нос с широкими крыльями, высокий лоб, массивный подбородок и такие же небесно-голубые глаза с пронзительным взглядом. Разве что волосы у Юхана были гораздо светлее, белесого скандинавского оттенка. Он носил их гладко зачесанными назад, собирая в пучок на коротко стриженном затылке. Правда, для полного сходства с Мэлом Юхану не хватало лучезарной улыбки: за несколько сеансов общения с Рин он ни

разу не улыбнулся, сохраняя серьёзность и официальный тон, будто проходил кастинг в дикторы новостного канала. Рин приписала эту сдержанность к особенностям северного темперамента и окрестила его про себя «Мистер Айсберг», догадываясь, что истинное «Я» Юхана было надежно скрыто в непроницаемых глубинах его скандинавской души, и на виду, подобно верхушке айсберга, оставалась лишь скромная часть.

В какой-то момент у Рин мелькнула догадка, что темперамент тут ни при чем, и Юхан демонстрирует полное отсутствие интереса к ней, как к девушке, лишь потому, что боится ее отпугнуть, ведь его предложение было довольно дерзким. Но Рин тотчас одернула себя, решив, что слишком много о себе возомнила. Едва ли ее бледное от вечного недоедания, лишенное косметики лицо могло понравиться этому уважаемому шведу. Скорее, его действительно интересовала только картина.

Когда Юхан впервые написал ей в фейсбуке, Рин решила, что это какой-то розыгрыш. Известно ведь, что интернет кишит мошенниками, как река Амазонка – пираньями, поэтому, увидев сообщение с избитыми фразами о сотрудничестве и высокой оплате, она, не задумываясь, его проигнорировала. Тем более, что на фото профиля красовался мужчина, подозрительно похожий на известного киноактера. Рин не стала присматриваться, уверенная, что автору сообщения лицо на фото не принадлежит, и хотела даже запретить наглецу доступ к личной переписке, но отвлеклась и забыла об этом.

Юхан написал снова, и на этот раз добавил к сообщению несколько снимков своего дома. Снимки удержали внимание Рин, потому что на них был не дом, а мечта.

«Ищу художника!» – зывала к ней с экрана ноутбука фраза, написанная крупными буквами. Ниже повторялся текст предыдущего сообщения о сотрудничестве и высокой оплате.

И тут Рин вспомнила, что когда-то давно рекламировала свои работы в многочисленных арт-сообществах, но потом забросила это дело, потому что реклама привлекала одну шелупонь, которая ничего не заказывала. В «личку» ломались либо всякие неадекватные личности, праздно шатающиеся по сети, либо альфонсы, а чаще всего – те, кто сам пытался что-то продать.

И тогда она перечитала текст сообщения еще раз. Некий Юхан из Швеции предлагал ей изобразить его дом за довольно внушительную плату. Рин любила рисовать дома, но не все подряд, а те, на которых лежала незримая тень их хозяев, превращавшая любые строения – будь то ветхие или роскошные, неважно – в одушевленных существ.

Дом Юхана явно стоил того, чтобы его нарисовали, и Рин согласилась обсудить условия сделки. Швед предложил для общения видеозвонок. Как выяснилось, русского языка он совсем не знал, а сообщения писал с помощью гугл-переводчика, поэтому они общались на английском. Мистер Айсберг рассказал, что этот дом был построен два века назад его прямыми предками, и сам он вырос под его крышей, но теперь обстоятельства вынуждают его переехать в другое место, и присматривать за домом у него вряд ли получится, а больше это делать некому. Дом придется продать, и он хочет увековечить память о нем на холсте.

– Фотоснимки не подойдут. Они, бесспорно, гораздо точнее передают детали, но в них слишком мало жизни и... души. Я хочу забрать с собой частичку души моего дома, поэтому важно, чтобы его образ прошел через ваше сердце. Понимаете? – Юхан, смотревший на нее с экрана ноутбука, коснулся своей мускулистой груди, обтянутой белой футболкой. У него были крепкие загорелые руки с длинными пальцами.

Рин улыбнулась. Юхан старался объяснить ей разницу между фотографией и живописью, не подозревая о том, что для нее это так же очевидно, как если бы он сравнивал гипсовую статую с живым человеком.

– Картина, написанная по фото, тоже не подойдет. Вам нужно будет приехать сюда. – Он произнес эти слова с такой опаской, будто те представляли собой не звуковые волны, а кусочки стекла, которые могли ранить Рин несмотря на огромное расстояние.

– Разумеется. Я всегда пишу с натуры, – сказала она, и швед сразу успокоился, напряжение тотчас исчезло из его пронзительно-синих глаз. Но не строгость.

Выбеленная солнцем длинная прядь выбилась из тугого пучка волос на его затылке и затрепетала на ветру. Юхан резким движением убрал ее за ухо, но она не продержалась там и секунды. Он схватил ее двумя пальцами и попытался засунуть под резинку. Раздался щелчок, и резинка отлетела в сторону. Волосы рассыпались подобно охапке пшеничных колосьев – такие же жесткие, упругие и золотистые. Ни один мускул не дрогнул на лице Юхана, как будто ничего не случилось. Мистер Айсберг в очередной раз оправдал данное ему прозвище.

Он стоял на берегу, перед своим домом. Треугольная черепичная крыша дома вонзалась острым коньком в чистое небо, а задняя стена подпирала скалу, поросшую чахлыми низкими соснами. Тогда, во время видеозвонка, Рин не разглядела на этом фоне развалин древней крепости, а, увидев позже, на фото, не придавала им значения – ну, подумаешь, руины!

Теперь же, глядя на них воочию, она заметила, что некоторые отверстия в обвалившейся крепостной стене похожи на норы, а камень с внутренней стороны входов отполирован лучше, чем снаружи, хотя едва ли туда проникали дожди и ветры. Возможно, он стал гладким от частого соприкосновения с телами, покрытыми жесткой шерстью. Что, если могучие звери, вырывшие эти норы, таятся где-то поблизости и уже пустили слюну, зная, что глупой жертве с этого острова никуда не сбежать?

2. Фроя

Дверь дома распахивается, и на пороге, к великому удивлению Рин, возникает какая-то женщина, немолодая и худощавая, в льняном переднике и клетчатом длинном платье кофейного цвета.

– Здравствуйте, Арина! – громко кричит она по-английски, сияя гостеприимной улыбкой, и энергичным жестом приглашает гостью войти. У нее обветренное лицо с грубой, как у мужчины, кожей, разве что без щетины, русые, с сильной проседью, волосы и глубоко посаженные, блестящие от любопытства, глазки.

Рин в замешательстве. Ей кажется, что Юхан говорил, будто он живет один. Возникает мысль, уж не ошиблась ли она домом? Вдруг на этом острове несколько домов, и все они одинаковые? Известно ведь, что на севере Швеции целые поселения выстроены в одном стиле. Она где-то читала, что шведская традиция окрашивать наружные стены домов в красный цвет пошла с тех давних пор, когда вместо краски использовалась бычья кровь, она защищала древесину от соли и влаги. Дом Юхана тоже темно-красный, цвета подсохшей крови, но белоснежные карнизы, решетчатые оконные рамы и изящные перила крыльца придают ему невинный и опрятный вид. Но точно ли это его дом сейчас перед ней?

Продолжая приветливо улыбаться, женщина спускается с крыльца и спешит навстречу опешившей Рин. Протягивая жилистую руку, она берет у нее чемодан.

– Проходите, Арина, проходите, я давно вас поджидаю! – Незнакомка направляется было обратно к дому, но, увидев, что гостя не сдвинулась с места, останавливается и выжидающе смотрит на нее. Потом вдруг охает, смеется и, покачивая головой, сообщает:

– Извините, забыла представиться. Я Фроя, соседка. Помогаю иногда Юхану по хозяйству. Он вам не сказал? Ему пришлось срочно уехать, и он попросил меня встретить вас. Вы ведь Арина из России, художница?

– Можно просто Рин. – Рин кивает, выдавливая ответную улыбку и, следует за женщиной.

Дорожка забирает круто вверх, мелкий гравий хрустит под ногами. Грозные синевато-серые скалы отбрасывают на дом плотную тень, ее четкая граница проходит по нижней ступени крыльца. Поднимаясь, Рин ощущает, как прохлада накрывает ее и словно впитывается в тело, добавляя ему тяжести. Ей кажется, что все ее нутро мигом набрякло, как ватное одеяло, погруженное в воду. И тревога еще усиливается.

Но, перешагнув порог, Рин замирает в восхищении. Несмотря на идеальное внешнее состояние, снаружи дом выглядит значительно старше, а внутри все пространство пронизано духом новизны: ультрасовременная мебель, возможно, изготовленная по эскизам какого-нибудь модного дизайнера; прихожая и гостиная в светлых тонах, от кремового до кристально снежного, и ни пылинки вокруг. Ну, еще бы! Разве в жилище мистера Айсберга может быть иначе? Лишь яркие диванные подушки и пледы немного скрашивают монохромный интерьер, да странные огромные арты, похожие на детские каракули, вносят толику небрежности в это царство строгой безупречности.

Вспомнив свою питерскую квартиру, Рин испытывает угрызения совести. Сколько раз она давала себе слово разложить все вещи по своим местам и вывезти старый хлам, оставшийся от прежней хозяйки! Хорошо хоть, Кира забрала на хранение все ее картины, штабелями составленные вдоль стен. Подруга отвезла их к своему бойфренду, известному в Питере художнику, и тот обещал показать их каким-то влиятельным критикам из арт-тусовки. С тех пор прошло примерно полгода, и Кира об этом не вспоминала, а Рин не спрашивала. И так было понятно, что картины критиков не вдохновили.

Рин представляет себе часть комнаты, которая попадала в поле зрения мистера Айсберга через камеру в ноутбуке в моменты их общения, и ее охватывает стыд. Наверняка чистюля-

швед счел ее безнадежной неряхой. Такому и не объяснишь, что значит творческий беспорядок.

– Хотите прежде осмотреть дом или выпить чаю с дороги?

Неожиданный вопрос, да еще произнесенный на английском, застаёт Рин врасплох. Она не сразу понимает, что именно говорит ей эта женщина, как же ее... ох, неудобно переспрашивать имя... Фрея? Фройла? Фроя? Точно, Фроя!

– Спасибо, Фроя, я бы предпочла кофе, если можно.

Рин предпочла бы еще и сигаретку, но, конечно, умалчивает об этом. Курить она бросила сразу после института, но сейчас находится в таком напряжении, что готова нарушить свое табу.

– Присаживайтесь, сейчас принесу! – Фроя поворачивается и уходит, виляя толстой седой косой. Рин остается одна посреди огромной гостиной, где не то что присесть – даже прикоснуться к чему-нибудь страшно. Господи, да как же она будет здесь жить? Что, если Юхан предложит ей пообедать или поужинать с ним за этим бескрайним стеклянным столом, сквозь который наверняка будет видно, как дрожат ее колени? Стоп, что за чушь лезет в голову? Какие обеды и ужины? Она приехала, чтобы написать картину. Обычно в процессе работы ей хватает пару чашек кофе и полтора бутерброда в день, так что...

Рин собирается отправиться вслед за Фроей, чтобы сказать, что кофе можно выпить и на кухне, но та уже wpłyвает в просторный проем гостиной, лишенный дверей. Перед собой она катит сервировочный столик, уставленный угощениями, на верхнем ярусе дымятся две белые фарфоровые чашки, источающие божественный кофейный аромат. В мгновение ока стеклянный стол, так напугавший Рин, оказывается накрыт плотной белой скатертью с набивным цветочным рисунком и уставлен блюдами с закусками и выпечкой. Булочки с корицей так и притягивают взгляд. Коричный и кофейный ароматы смешиваются, дополняя друг друга, и Рин, добравшись до угощения, вмиг забывает о всякой неловкости.

За стеклянной стеной – судя по всему, раздвижной – плещется море. Небо затянуто серыми тучами, крикливые чайки носятся над водой, высматривая добычу. Со стороны пирса, где Рин высадилась на берег, стеклянных стен не было видно. И на фото, присланных Юханом, дом был снят с того же ракурса. Эта стена, прозрачная и совершенно невидимая, впускает внутрь много света, отчего создается ощущение простора, свободы и, как ни странно, безопасности. Тревога Рин понемногу рассеивается, мысли о чудовищах, обитающих в норах за домом, теперь кажутся нелепыми, а от непринужденной болтовни Фройи вскоре проходит и скованность.

– Вы заметили нашу крепость? Не то тринадцатый, не то пятнадцатый век, точно не установлено. Археологи спорят об этом до сих пор! – Фроя смешно таращит светлые водянистые глаза, указывая рукой, в которой держит булку, в противоположную от стеклянной стены сторону, где стоят диван и два кресла, словно крепость находится где-то между ними. – Этот объект хотели оборудовать для посещения туристами, но так ничего и не сделали. Местность слишком труднодоступная, вокруг полно мелких островов и подводных скал, в плохую погоду сюда не добраться, да и в хорошую нужен опытный проводник, способный провести судно к этому берегу. Их не так много осталось в здешних краях. На весь Тролльхол один Хуго, старый морской волк. Ни для кого не секрет, что он частенько выходит в море «под парами», – тут она многозначительно подмигивает Рин, – да и в пути не прочь подогреться глоточком-другим горячительного, но с курса не сбился ни разу. Это ведь Хуго доставил вас сюда из Бьёрхольмена?

Рин пожимает плечами, вспоминая рыжебородого мужчину в черной вязаной шапке, управлявшего катером. У него было задубевшее, словно брезентовое, лицо, кустистые брови и широкий белый шрам на подбородке.

– Он не назвал своего имени. Мы не беседовали, только поздоровались и попрощались.

– Точно, это он! Тот еще молчун! – Фроя энергично кивает. – В Бьёрхольмене есть еще несколько лодочников, которые знают водный путь, но они неохотно берут заказы на этот маршрут. Чтобы наладить паромное сообщение, властям придется расчищать морское дно, строить канал, а это нерентабельно, потому что жителей на Трольхольме мало, и с каждым годом их становится все меньше.

– Почему же? Здесь так красиво!

– Люди уезжают, перебираются поближе к цивилизации. Вся инфраструктура от нас далеко, ни школ, ни больниц, лишь дом престарелых в западной части Трольхольма, но и тот почти пустой, наши старики туда не торопятся, хотя уход там отличный, да и хоть какое-то общение. Вот и отец мой прожил там в прошлом году несколько месяцев после смерти мамы, а потом вернулся домой и теперь часто остается один. Я, конечно, забочусь о нем, но это ведь не то же самое, что круглосуточный присмотр. И о доме престарелых даже слышать хочет, старый упрямец! Говорит, что лучше умрет в своей постели, и ему неважно, что без должного ухода это может случиться гораздо, гораздо раньше! – Фроя начинает волноваться – видимо, затронула свою самую острую проблему.

– Я бы взглянула на вашу крепость поближе. – Рин спешит отвлечь собеседницу от неприятных мыслей, и это срабатывает: глаза Фрой зажигаются азартом.

– О, вам понравится, я уверена! Могу проводить вас туда, когда пожелаете. Говорят, где-то в подземельях все еще хранятся военные трофеи викингов! Там не только золото и оружие, но даже есть потайная бухта с кораблями! Правда, ничего такого пока не нашли, но это потому, что особенно никто и не искал.

– Откуда же тогда об этом известно?

– Как откуда? От предков, разумеется. Все мы тут потомки древних конунгов и хёвдингов, защищавших эти земли от нашествия врага. Мой отец, например, утверждает, что наш род Холмстромов уходит корнями к одному из форингов – правой руке конунга, выстроившего крепость на этом острове, а род Юхана – Лофгрены – как раз с того конунга и начался.

– Да ладно? – вырывается у Рин с заметной ноткой скептицизма, и она, спохватываясь, добавляет: – Очень интересно, правда.

– Но самое интересное я еще не рассказала, – с придыханием продолжает Фроя. – Известно, что с момента основания крепость ни разу не была взята! Ни разу, представьте себе, враг не ступил за ее стены! Это исторический факт. А ведь крепость часто осаждалась многотысячными войсками. Очевидно, что конунг был очень талантливым военачальником, но поговаривают, что без мистики тут не обошлось. Кто-то ему помогал. Кто-то могучий, обладающий нечеловеческой силой. Говорят, что они до сих пор еще здесь, стерегут крепость и этот остров.

Рин с содроганием вспоминает о норах в скалах.

– Они?.. – Кофе выплескивается из чашки в ее дрогнувшей руке. К счастью, все капли летят не на скатерть, а в блюдце, на кусок недоеденной булки.

Фроя смотрит на коричневые брызги, но тут же делает вид, что они ей безразличны, и, заглядывая Рин в глаза, произносит с самым серьезным видом:

– Тролли!

– О-о-о...

– Такова легенда. Но некоторые верят, что она реальна. Одна жительница, Эбба, так даже утверждает, что видела троллей собственными глазами. Правда, она принимает снадобья, от которых бывает не в себе, так что, сами понимаете...

– А вы, Фроя... вы тоже верите в эту легенду?

– О, да!

– И согласились показать мне крепость! Разве не опасно ходить туда?

– Что вы, какая может быть опасность! – Фроя отмахивается, смеясь. – Они ведь наши защитники!

– Действительно. Но я-то для них чужая. Значит, враг.

– Ну, нет. Вы – гостя. А враг для них – это тот, кто пришел сюда, чтобы завладеть тем, что ему не принадлежит. Поверьте, вам нечего бояться. Можем прогуляться к руинам крепости прямо завтра, если пожелаете. Заодно покажу вам окрестности.

– Это было бы очень кстати! – Рин снова расслабляется. – Мне как раз нужно подобрать удачный ракурс для работы над картиной. С пирса вид на дом не самый лучший.

– Я покажу вам место с самым выгодным видом на этот дом!

Фроя гремит посудой, составляя ее обратно на сервировочный столик и решительно отвергает предложение Рин помочь ей:

– Осваивайтесь пока. Я вернусь через пару минут и покажу вам вашу комнату. Уверена, что она вам понравится!

Оставшись в одиночестве, Рин переводит дух и с любопытством озирается, присматриваясь к деталям. Над столом, на длинном черном шнуре, низко свисает лампа в абажуре, похожем на перевернутую тарелку для супа. Под ней – ваза с засохшими стеблями неизвестного растения. Скрученные в спирали узкие листья гроздьями топорщатся вокруг горловины. Стулья у стола выглядят ненадежными из-за тонких как спицы, ножек, разъехавшихся далеко в стороны. Рин ерзает на своем стуле, проверяя его на прочность, – вроде бы, не шатается. По углам стеклянной стены колышутся от сквозняка воздушные белые шторы. Стены из плотно подогнанных и добротнo отполированных досок выкрашены в белый цвет и выглядят безупречно: нигде ни пятнышка, ни царапинки. Идеальные стены в идеальном жилище мистера Айсберга! Разве что арты над диваном, по мнению Рин, несколько портят интерьер. Назвать их картинами язык не поворачивается. Какие-то спонтанные каракули годовалого младенца. Хотя, если присмотреться и включить воображение, то на той, что справа, можно разглядеть нечто похожее на помятый колпак ведьмовской шляпы без полей и серое бесформенное пятно рядом, а на соседней – силуэт человека в черном плаще, размазанный с одного бока, и тоже пятно, только не с плавными, а угловатыми очертаниями, повторяющими форму силуэта.

Рин встает и подходит поближе, чтобы как следует разглядеть странные художества, но ее внимание внезапно перемещается в сторону. На белом фоне дощатой стены выделяется несколько более светлых прямоугольников. Похоже, раньше здесь были еще картины. А, может быть, фотографии, которые повесили здесь в одно время с артами и недавно сняли.

Убрали от посторонних глаз? Неужели из-за нее, Рин?

– Хозяин вернулся! – сообщает Фроя, влетая в гостиную с переполошенным видом. – Мне, пожалуй, пора! Увидимся завтра, я приду к обеду.

И она исчезает.

Рин холодеет, услышав голос Юхана, донесшийся из прихожей:

– Спасибо, Фроя. До свидания.

Хлопает входная дверь, и, спустя минуту слышатся приближающиеся шаги, а потом на пороге гостиной возникает мистер Айсберг во всем своем строгом великолепии.

3. Юхан

– С приездом, Арина. Вижу, вы подружились с моей помощницей?

– Здравствуйте, Юхан. Фроя угостила меня кофе и поведала мне древнюю тайну вашего острова.

– О, это вполне в ее духе! Она обожает подавать кофе вместе с тайнами.

Наконец-то он продемонстрировал Рин свою улыбку! Но без нее было куда лучше, потому что растянувшиеся по горизонтали плотно сжатые губы лишь подчеркивают холодность его взгляда.

Рин невольно съеживается от мысли, обрушившейся на нее подобно тяжелому снежному кому: «Боже, что я вообще здесь делаю?! Он же смотрит на меня так, будто я не художница, приехавшая по его приглашению, а соседская овца, забежавшая в приоткрытую дверь, и он теперь раздумывает, выгнать ли меня, пока я не нарушила его идеальный порядок, или зажарить на гриле к ужину! Вдруг он – псих с маниакальными наклонностями? Черт! Кира ведь меня предупреждала...»

– Фроя показала вам дом? – Вопрос Юхана прерывает мрачные фантазии Рин, но от страха она не может внятно ответить, лишь мямлит нечто невразумительное, похожее на блянье той самой воображаемой овцы, и отрицательно мотает головой.

– Идите за мной. – Он поворачивается и выходит из гостиной, даже не убедившись, что она последовала за ним.

Как назло, со спины он кажется еще привлекательнее, а может, у Рин возникает такое впечатление от того, что строгие глаза мистера Айсберга больше не обдают ее ледяной холодностью. Ей приходится сделать над собой усилие, чтобы отвести взгляд от его спины и посмотреть туда, куда он указывает.

– Здесь кухня. Вся техника запрограммирована на английском, так что, думаю, разберетесь. Фроя готовит раз в день, поэтому вам придется подогреть ужин в микроволновке. Или можете сами приготовить что-нибудь, если хотите.

– Когда я работаю над картиной, то забываю о еде, обхожусь кофе и бутербродами. – Рин всеми силами старается говорить невозмутимо, но дрогнувший голос выдает ее страх. Наверняка Юхан замечает, как сильно она его боится, и продолжает заметно смягчившимся тоном:

– А если работа над картиной займет несколько месяцев? Все это время – только кофе и бутерброды?

– Да, этого вполне достаточно.

– Что ж... У меня тут неплохая кофемашинка. Готовит эспрессо, американо, капучино, латте, лунго... даже не помню всех вариантов.

– А есть... э-э-э... просто турка? Я обычно варю кофе сама.

– Да-да, где-то была, и не одна. Поищите в шкафах с посудой. И не скромничайте. Берите и используйте все, что понадобится. Как говорят у вас в России, будьте как дома!

– Но не забывайте, что вы в гостях! – продолжает Рин с озорной усмешкой. Страх, сжимавший стальной рукой ее сердце, немного ослабляет хватку.

– Верно сказано. Об этом действительно не стоит забывать. – Юхан произносит это совершенно серьезно, без малейшего намека на юмор, и таким тоном, что Рин невольно вздрагивает. Мистер Айсберг вновь источает арктический холод.

– Замерзли? – спрашивает он, бросая на Рин быстрый пристальный взгляд, и, не дожидаясь ответа, выходит в прихожую.

– Подойдите сюда, я покажу вам, как управлять системой обогрева! – Юхан повышает голос, чтобы она услышала его оттуда, и восклицание звучит как приказ. Следуя на зов, Рин

чувствует себя дрессированной собачкой и думает с мрачной веселостью, что это все-таки лучше, чем быть овцой, которую собираются зажарить.

Юхан стоит у пластикового короба, висящего на стене в прихожей.

– Здесь регулируется температура. Дом отапливается газом, который подается из газгольдера. Сам котел находится в отдельном помещении, система газоснабжения полностью автоматизирована и оснащена специальными датчиками, контролирующими ее герметичность. В случае утечки сработает сирена, и тогда нужно будет сразу же покинуть дом. Но не переживайте, система вполне надежна и безопасна. Утечка может произойти только из-за механического повреждения, однако продырявить газовую трубу или котел не так-то просто даже при большом желании. Чтобы согреться, достаточно просто передвинуть тумблер выше по температурной шкале. – Юхан двигает взад-вперед белую выпуклость на панели управления и, отступая на шаг, говорит: – Давайте-ка, теперь попробуйте сами.

Выпуклость даже не шелохнулась под пальцами Рин, словно выросла в пластиковый корпус.

– Смелее. – Юхан накрывает ее ладонь своей, сжимает и сдвигает выше. Тумблер легко перемещается на следующую отметку, и тотчас рука Юхана резко отдергивается, словно от ожога. Он трясет кистью, словно чувствует реальную боль, но вдруг смущается, поспешно убирает руку за спину и отводит глаза.

Что с ним? Неужели это реакция на прикосновение к ней? Похоже, ледяная броня мистера Айсберга дала трещину! Рин скользит взглядом по его лицу, но не замечает на нем выражения неловкости, оно вновь выглядит холодным и непроницаемым, хотя... кажется, стало бледнее обычного.

Юхан обходит ее, пересекает холл и останавливается между двух выходов, ведущих в одинаковые с виду коридоры: высокие потолки, кремовые стены с яркими постерами и мягкое ковровое покрытие кофейного цвета на полу примыкают к двустворчатым белым дверям с большими круглыми ручками из хромированного металла.

– Справа ваша территория, слева – моя. Постарайтесь не перепутать. – Юхан посылает Рин многозначительный взгляд, красноречиво говорящий о том, что ей лучше не пытаться ступить на его территорию.

– Не беспокойтесь, у меня хорошая память. – Она кивает и замечает, как Юхан вздыхает с облегчением: по всей видимости, он не на шутку переживает о неприкосновенности своего личного пространства.

Великолепно! Мистер Айсберг не горит желанием, чтобы гостя часто попадалась ему на глаза, а значит есть шанс на то, что ей удастся вполне сносно провести здесь время.

– Если я вам понадобится, можете позвонить в дверной звонок у входа в дом. Ну, или по телефону. Однако я часто отлучаюсь в Стокгольм по делам, могу отсутствовать несколько дней, тогда обращайтесь к Фрое, она живет неподалеку. Я вам сообщу номер ее телефона, а также номер Хуго, это наш лодочник, тот, что привез вас на остров. Вдруг захотите прокатиться до Бьёрхольмена, провести вечер в кафе, например, или пройти по магазинам, а то и предпринять экскурсию по островам – обратитесь к Хуго, он подскажет вам расписание рейсов. Кстати, входная дверь запирается на кодовый замок, код три единицы.

– Три единицы? Серьезно? – Рин потрясенно ахает. – Это называется, заходи кто хочет! Или у вас есть охранник?

– Охранник? Нет, что вы, здесь совсем нет преступности. За всю мою жизнь помню лишь, как у старой Эббы пропало два комплекта постельного белья, но потом оказалось, что их унесло ветром во время сушки, потому что Эбба забыла зажать их прищепками. Поначалу-то она утверждала, что комплекты исчезли из комода, а значит, в дом проник вор. К счастью, Хуго нашел пропажу на одном из крошечных необитаемых островов, когда проплывал мимо на своей моторке. Его внимание привлекли пестрые полотнища, реюющие флагами на макуш-

ках сосен. Ему пришлось порядком потрудиться, чтобы достать их оттуда. Но тогда он был еще молод. Сейчас бы едва ли справился с этим делом. Н-да... С тех пор прошло немало лет, жаль, что их не вернуть. И Эбба больше не сушит белье. Она его теперь совсем не стирает. Не замечает грязи... ничего не замечает...

– Почему? Что с ней случилось?

– А? – Юхан внезапно вздрагивает. Его затуманенный взгляд резко фокусируется на лице Рин. – Извините, я просто... задумался. Если вы не против, я, пожалуй, пойду к себе.

Как обычно, не дожидаясь ее ответа, он просто поворачивается и, перешагнув порог, идет по узкому глухому коридору на «свою территорию».

С сожалением, которого сама от себя не ожидала, Рин провожает взглядом удаляющуюся фигуру хозяина дома, возвращается в гостиную за чемоданом и отправляется осматривать комнату, предоставленную в ее распоряжение.

Первое, что она видит, распахнув двери, это раздутые ветром шторы, похожие на паруса, они рвутся навстречу ей, заполняя собой все пространство. Кажется на миг, что под ногами не пол, а корабельная палуба, которая вот-вот закачается. Обе створки дверей с тихим щелчком притворяются за ее спиной. «Паруса» сразу оседают и льнут к окнам. Рин решительно раздвигает их в стороны и восхищенно прищуривается на густо-синий простор, открывшийся перед ней. Лишь спустя пару секунд оборачивается, чтобы оглядеться. Сразу бросается в глаза то, что комната явно «мужская», хотя ей и пытались придать немного женственности с помощью кружевного покрывала на кровати и букета белых роз в простой прозрачной вазе на столе. Вся мебель – и этот стол, и шкаф, и кровать – выглядит так, словно ее сколотили из таких же досок, что и стены, а потом выкрасили одинаковой белой краской. Даже пол белый и совсем голый, за исключением пестрого крошечного коврика у кровати.

Просто маниакальное пристрастие к белому цвету!

Маниакальное... Это слово уже не впервые за сегодняшнее утро приходит ей на ум. Рин нервно стискивает кулаки и вдруг обнаруживает, что до сих пор держит свой чемодан за длинную выдвижную ручку, словно еще сомневается, что готова здесь остаться.

Прохладный воздух с моря тонкой струйкой вливается в приоткрытое окно, слегка колышет шторы и листву на стеблях роз, скользит дальше, кружит по комнате и окутывает Рин, уже пропитанный розовым ароматом. Она смотрит на цветы. Не может быть, чтобы мистер Айсберг распорядился принести их сюда. Скорее всего, это Фроя позаботилась. На душе теплеет от мыслей о том, что завтра она вновь увидится с улыбчивой домработницей, и ее сердце, озябшее в обществе мистера Айсберга, отогреется. Не так уж все и плохо, думает Рин, подкапывает чемодан к шкафу и наконец решается выпустить его из рук.

В кармане ветровки неожиданно оживает телефон. Рин вынимает его и, увидев на экране улыбающееся лицо Киры, отвечает на ее видеовызов.

– Ну, как ты? Вижу, уже добралась! – радостно кричит подруга, глядя куда-то за спину Рин. – Покажи-ка мне хоромы своего шведа! О, неплохо, неплохо. Обожаю такой стиль, изысканный минимализм. Что это там у тебя? Цветочки? Интересный поворот. А говорила, он предпочитает мужчин!

– Кира, тише! – Рин прикрывает динамик пальцами, опасаясь, что Юхан может услышать эти слова, и поспешно убавляет громкость.

– А он что, где-то рядом? – Кира стреляет глазами из стороны в сторону. – Вы будете жить в одной комнате?

– Да нет же!

– Вечно ты скрытничаешь! А еще подруга.

– Перестань.

– Запомни, не будет тебе с этим шведом счастья. Поматросит и бросит. Нарисуешь свою картину, и дуй домой, иначе я сама приеду и вытащу тебя оттуда.

- Кира!..
- Признавайся, вы уже?.. – Она многозначительно вскидывает брови несколько раз подряд.
- Да я его увидела всего лишь полчаса назад! Он приехал домой позже меня.
- А-а-а... Не встретил даже?
- Кира, хватит выдумывать! Он заказал мне картину, и на этом точка.
- Точка, не точка, а в вазе – цветочки! – Подруга подмигивает и продолжает изучать попадающее в камеру пространство вокруг Рин. – А вид из окна какой? На море? Покажи-ка. Ух, отпад просто! Красотища... Хотя, ну а толку-то, если это север, не поплавать, не позагорать.
- Мне и не надо. Я жару терпеть не могу, ты же знаешь.
- Тем более тогда не стоит там задерживаться. Зря ты вообще поехала. Вдруг он не заплатит?
- Заплатит. Мы подписали договор.
- А-а, да, помню, ты говорила. Европейцы, они такие, любят все оформлять документально. Для того и брачный договор придумали, чтобы добром с женами не делиться. Так что, даже не помышляй за него замуж выходить!
- Мне надоела эта тема, Кира. Расскажи лучше про свое замужество. Назначили дату свадьбы?
- Еще нет. Ему пока не до этого, он в творческом запое, весь ушел в свою картину, с головой. Там тако-ое... Он не показывает, но мне удалось подглядеть. Талантище, одним словом!
- Верю. А мои работы он показывал кому-нибудь? Их возьмут на ту выставку? – Рин наконец решается задать этот вопрос, волнуящий ее уже давно.
- Кира мнется, явно не хочет говорить правду и пытается придумать для нее что-нибудь щадящее. Конечно же, понимает Рин, картины не возьмут, зря спросила.
- Он говорит, что вопрос пока не решен. Позже уточню. Времени еще полно, выставка только через месяц.
- Ага... Ну, ладно. – Рин кивает.
- Кира расплывается в жалостливой улыбке. А вот этого не надо. Рин не любит, когда ее жалеют. Бездарь, так бездарь! Не калека же. Странно, что Юхан так высоко оценил ее творчество и доверил запечатлеть на холсте свое родовое гнездо. Наверное, у него не самый изысканный вкус.
- Кира неожиданно выпаливает:
- Знаешь, ты меня извини за шутки насчет шведа. Просто я знаю, что буду скучать по тебе. А вообще я могу тебя понять. Это ведь твой первый заказ, хоть какая-то востребованность, а то ведь уже сколько лет рисуешь для пыльных углов. Но молодец, что не бросаешь! Я уверена, что однажды ты напишешь свой шедевр.
- Наверное. – Рин становится как-то нехорошо. Кажется, что пол и впрямь, будто корабельная палуба, вдруг начинает покачиваться под ногами. Она прислоняется спиной к подоконнику, продолжая держать телефон перед собой.
- В глазах резко темнеет. Рин думает, что у нее проблемы с давлением, но тут Кира меняется в лице, вскрикивает в ужасе и, тыча рукой в камеру, тарашится в окно, находящееся позади Рин.
- Темнота продолжает быстро сгущаться, однако становится ясно, что это происходит не в ее глазах, а в комнате. Рин резко оборачивается.
- Все окно покрыто не то грязью, не то глиной, и чья-то рука продолжает с противным скрипом елозить по стеклам, размазывая жидкую липкую массу.

Телефон выскальзывает из пальцев Рин, падает на подоконник, отскакивает и летит на дощатый пол. Громкий стук и хруст разбитого экрана не привлекают ее внимания, она смотрит на оконное стекло, туда, где между чужих пальцев виднеется чей-то глаз.

4. Эбба

– Да что вы, никакой опасности нет! – для убедительности Фроя машет на Рин обеими руками. – Откуда здесь взяться хулиганам и маньякам? На острове живут одни старики, ну а среди них есть парочка чудаков, только они абсолютно безобидны, поверьте!

Рин смотрит на нее и с удивлением замечает, что шведка гораздо красивее и моложе, чем показалась ей вчера. Ее внешность очень портит красноватая обветренная кожа, вот в чем дело. Наверное, Фроя проводит много времени на свежем воздухе, и даже тогда, когда погода этому совсем не благоприятствует. Зато у нее прекрасные глаза. Сначала они показались Рин невзрачными, тусклыми, будто вода в застоявшейся луже, но теперь лучатся теплым светом, а в глубине видны серо-голубые крапинки, похожие на камушки в горном ручье.

Видимо, Фроя свято верит в то, что говорит. А вот Рин гложут сомнения. Опустив взгляд в тарелку с недоеденным томатным супом, она возражает ей:

– И все же это был совсем не безобидный поступок! Замазать окно грязью – кому такое может прийти в голову? И, главное, зачем? Теперь у меня предчувствие, будто должно случиться что-то плохое.

Крепкая жилистая рука Фрой ложится на запястье Рин.

– Не бойтесь, все будет хорошо. Но, если хотите, я отведу вас к Вильме. У нее полно разных штуквин для отпугивания всего дурного.

– Серьезно? – Рин поднимает голову, широко распахивает глаза и скептически улыбается. – Вильма – это ваша местная ведьма?

Фроя морщит лоб, подбирая слова, и произносит спустя мгновение:

– Скорее, ведунья, если по-вашему. А по-нашему «вэльва». У вас есть резиновые сапоги?

– Неужели обещают дождь? – Взгляд Рин устремляется в безоблачное небо за стеклянной стеной гостиной.

– Не смотрите, что туч нет, они могут накрыть Тролльхол в считанные минуты. Но дело не в этом, просто у нас тут повсюду вода, а в шторм дорогу к дому Вильмы заливает так, что и сапоги не помогут, только лодка. Но сегодня, надеюсь, мы обойдемся без нее.

Солнце слепит глаза, Рин отворачивается и трет их, пытаясь унять усилившееся жжение, донимающее ее с самого утра, после бессонной ночи.

Она так и не осмелилась потревожить Юхана из-за инцидента с испачканным окном, все-таки неизвестный вандал не пытался разбить его, открыть или проникнуть в комнату. Когда Рин собралась с духом и распахнула оконные створки, того уже и след простыл. Однако уснуть после такого ей не удалось. Она просидела без движения до самого рассвета, а утром разобрала чемодан, разместив вещи в дощатом шкафу с тяжелыми скрипучими дверцами. Потом отыскала в кладовке рядом с кухней ведро и тряпку и отправилась во двор, отмывать окно. Грязь оказалась странной – липкой, жирной и перемешанной с измельченными стеблями какой-то травы, словно состав для замазывания окна готовили специально, а не зачерпнули из ближайшей сточной канавы. Этот факт еще больше напугал Рин.

Вспоминая об этом, она спрашивает Фрою:

– Как думаете, у Юхана могут быть недоброжелатели? Или это из-за меня? Кому-то не понравилось, что я остановилась в его доме?

Фроя снова отмахивается:

– Забудьте! Это всего лишь мелкая пакость, не стоящая ваших нервов. Лучше поскорее заканчивайте с супом, и отправимся к Вильме. Уж она найдет способ уберечь вас от подобных неприятностей!

Рин берет ложку и перемешивает суп в тарелке. Томатная жижа идет волнами, кусочки зелени кружатся в ней, напоминая травинки, плавающие в ведре с водой, мутной от грязи, смывтой с окна. Есть совсем не хочется.

– Спасибо, Фроя. Очень вкусно, но порция слишком велика для меня. А к Вильме без сапог совсем никак не попасть? У меня их нет, к сожалению.

– В нашем летнем магазине полно вещей для дождливой погоды: и зонтов, и дождевиков, и сапог тоже. Можете купить все сразу.

***

Магазин выглядит как деревянный сарай. Стены из грубых досок покрыты толстым слоем красной краски, в щелях – ступки застывших потеков. Над входом белеет простая вывеска: «Sommarshop», под ней – фонарь в ржавом проволочном каркасе. Двустворчатые двери с торца постройки раскрыты настежь и сплошь увешаны разнообразным товаром: плетеными корзинами, соломенными шляпами, футболками с ярким принтом в виде рыбок и корабликов, купальниками и пляжными ковриками. На первый взгляд товаров для дождливой погоды не заметно.

Дощатое крыльцо из трех ступенек пронзительно скрипит под ногами. Рин с удивлением отмечает, что оно выкрашено в белый цвет. Стены и пол внутри магазина тоже белые, как в доме Юхана. Выходит, это местная традиция, а не маниакальная склонность мистера Айсберга, понимает Рин, и эта мысль ее немного успокаивает.

На длинных прилавках теснятся керамические вазочки, бронзовые подсвечники, разноцветные баночки и бутылочки с соусами, джемами и соками, на подставках стоят пестрым веером глянцевые леденцы на палочках, тут же громоздятся составленные высокими пирамидами коробки с печеньем. На полках стройными рядами пестреют подушки, высятся стопки пледов и одеял, с крючков свешиваются огромные пляжные сумки из плотного темно-синего сукна с изображением белых якорей, на вешалках болтаются платья-тельняшки. Морскую тему разбавляет картина на стене: на грязно-фиолетовом фоне серо-коричневыми пятнами выделяются силуэты десятка коров. Рин удивленно смотрит на нее: небрежные линии, грязные и тусклые цвета. Просто мазня какая-то, хотя и забавная. Похоже на ультрасовременный «шедевр» в не самом удачном исполнении. Рин никогда не понимала всех этих течений в модернизме, придерживаясь в творчестве классического стиля. Наверное, поэтому ей до сих пор не удалось достичь не то чтобы успеха, а хотя бы намека на успех. Хотя... вон, бойфренд Киры вполне знаменит и востребован, а пишет только классику. Так что, не стоит себя обманывать. Пора признать, что она бездарна, и то, что Юхан восхитился ее работами – просто исключение, которое бывает почти во всех правилах.

– Примерьте-ка! – Фроя отвлекает ее от самокопания и тычет в лицо огромными сапогами болотного цвета, от них жутко пахнет резиной и краской.

– Кажется, великоваты будут! – Рин с сомнением качает головой.

– Размер ваш, тридцать восемь, я проверяла! – Фроя упрямо пихает сапоги ей в руки.

Рин со вздохом снимает кроссовку, натягивает один сапог и понимает, что Фроя права. Иллюзию большего размера создает массивная «тракторная» подошва, выступающая далеко за пределы носка и задника.

Рин лезет в сумочку за деньгами, но Фроя опережает ее и рассчитывается с продавщицей сама:

– Это подарок. В знак дружбы, – объясняет она, оборачиваясь.

– Но... – Рин пытается возразить, и тотчас ее слова заглушает шумное пренебрежительное фырканье за спиной, затем кто-то сердито говорит по-шведски. К Фрое подходит грузная седовласая женщина, невысокая, но на редкость широкого телосложения, этакий комод с головой и на толстых ножках. Она продолжает возмущенно кричать и машет руками. Рин ни слова не понимает.

– Эбба! – восклицает Фроя и, извинившись перед Рин, тоже переходит на шведский, вступая в перепалку с только что вошедшей посетительницей, неизвестно чем недовольной. Судя по тому, какие яростные взгляды незнакомка мечет в сторону Рин, говорят они именно о ней.

Возраст сердитой дамы определить сложно, ей можно дать и пятьдесят, и семьдесят: на белом рыхлом лице ни морщинки, но тело по-стариковски скрюченное, спина согнута дугой и движения скованные. Рин вспоминает, что вчера в разговоре Юхан упоминал жительницу острова по имени Эбба, которая больше не стирает белье. Вполне возможно, что это та самая женщина: ее шерстяная кофта, надетая поверх длинного мешковатого платья, перепачкана грязью, в вязаном полотне застряли травинки и хвоя. В растрепанных седых кудрях желтеет сухой березовый листок. И запах... От незнакомки несет чем-то неприятным, едким, вроде экскрементов дикого животного. Она поворачивается к Рин и с откровенной ненавистью тычет в нее пальцем. Неожиданно гневное выражение на ее лице сменяется страдальческим, выпуклые светлые глаза застилает пелена слез, и женщина произносит набор слов, одно из которых, повторяясь дважды, звучит как чье-то имя. Оно же заканчивает ее тираду.

– Лилли! Лилли!

– Нет, нет, меня зовут Арина, – бормочет Рин, уверенная, что незнакомка ее с кем-то перепутала.

– Пожалуйста, прошу вас, не шумите здесь! – по-английски произносит испуганная продавщица.

Фроя засовывает под мышку пару резиновых сапог, оттесняет скандалистку в сторону и решительно увлекает Рин к выходу.

– Не обращайтесь внимания! Наша Эбба давно уже не в себе, все это знают.

– А кто такая Лилли?

Фроя вздрагивает. Вид у нее становится какой-то затравленный. Видно, что ей не хочется отвечать, но Рин упрямо переспрашивает.

Домработница откидывает прядь волос с лица и оглядывается. Убедившись, что они отошли от магазина достаточно далеко, отвечает:

– Это дочь Эббы, она... пропала два года назад. Ей было всего семнадцать. Бедняжку так и не нашли, но предполагают, что она сорвалась со скалы в море, и ее унесло. Как раз в тот день был жуткий шторм, волны взлетали до небес. Эбба иногда забывает об этой трагедии, память уже подводит, да и зрение у нее тоже никудышное, поэтому она порой принимает других девушек за свою Лилли.

– Бедная женщина...

– Да уж. Постарела в одночасье. Ей и пятидесяти еще нет. Сорок восемь недавно исполнилось.

– Выглядит намного старше.

– Это точно. Просто в старушенцию превратилась. Ее потому и прозвали «старой Эббой».

– У нее есть еще дети? Или муж?

– Только сын, но он ей не помощник. Элиас в Стокгольме живет. Приезжает изредка, проводывает, вот и вся поддержка. Молодежь на острове не задерживается, что ей тут делать?

– Печально. Вот и Юхан продает дом, говорит, что уедет, как только я напишу картину.

– Думаю, он все-таки не уедет.

– Почему?

Фроя задумчиво смотрит на скалы и, помолчав, внезапно меняет тему:

– Давайте-ка переобувайтесь в сапоги. Вот, как раз и лавочка есть. Присаживайтесь. Скоро сухопутная тропинка закончится.

5. Сторожевая башня

Они сворачивают с тропинки, петляющей вдоль берега, и направляются вглубь острова, по камням, выглаженным ветрами и дождями. Тролльхол кажется пустынным, не видно ни домов, ни людей, но неожиданно за выступом скалы открывается прямо-таки идиллическая картина: обширная лужайка с ровно подстриженной сочной травкой, одноэтажный домик совершенно образцового вида в центре, традиционного красно-коричневого цвета, с белоснежной отделкой карнизов и крыльца. Слева к дому примыкает длинный гаражный бокс, способный вместить как минимум с десяток автомобилей, а рядом, выстроенные в ровный ряд, стоят сами автомобили, сияющие гляncем и хромом. Все они выглядят, как новые, хотя среди них есть модели старого образца, напоминающие гигантских экзотических жуков.

– Надо же, прямо парад машин! Давайте подойдем, посмотрим? – Рин ловит одобряющий взгляд Фрой и ускоряет шаг. Широкие голенища новых сапог хлещут по ногам. Наверное, рассчитаны на то, чтобы в них заправляли грубые джинсы, но на Рин тонкие трикотажные леггинсы.

– Полюбуйтесь, конечно! Мы ведь никуда не спешим. – Фроя явно не разделяет восторга, наверняка не раз уже видела эту автовыставку, но все-таки идет следом. – Только не прислоняйтесь к ним! Хенрик натирает их дважды в день специальной мастикой и карнаубским воском, это бесцветные вещества, но от них могут остаться пятна на одежде.

– Вот уж не ожидала увидеть машины на острове! Куда здесь можно ездить? Ведь даже дорог нет.

– Хенрик выгуливает их по очереди, катаясь вокруг дома. Он обожает свои «саабы» и скорее расстанется с супругой, на которой женат полвека, чем с одной из своих железных красоток. О, а вот и он! – Фроя приветственно машет рукой мужчине, выходящему из гаражного бокса. Тот сдержанно кивает и неприветливо косится на Рин, как раз осмелившуюся в этот момент погладить отполированный бампер автомобиля самого почтенного с виду возраста.

– Сороковой год! Раритет! – с трудно скрываемой нервозностью в голосе сообщает автовладелец, торопливо направляясь к ним. Высокий и худой, как жердь, он выглядит ровесником этого ретро-экземпляра, которому вряд ли меньше восьмидесяти лет.

Рин отдергивает руку и пытается изобразить самый сильный восторг в надежде польстить хозяину.

– Машина совсем как новенькая! – Она высоко вскидывает брови, старательно изображая восхищенное изумление.

Хенрик останавливается и одобрительно кивает, скрещивая руки на груди. Придирчиво осматривает бампер, к которому прикасалась Рин, постукивает ногой по туго накачанному колесу. Помедлив, улыбается с намеком на доброжелательность, и спрашивает:

– Зайдете выпить чаю? Анна как раз нажарила гору пончиков.

– Спасибо, но нам надо идти. Заглянем в другой раз, – отказывается Фроя.

– Жаль. Тогда хотя бы познакомь меня с твоей очаровательной спутницей. – Хозяин подслеповато прищуривается, присматриваясь к Рин.

– Это Арина, художница из России. Будет рисовать дом Юхана. Помнишь, я говорила? Она приехала только вчера. Хочу показать ей наш остров и сводить к Вильме. Представь себе, кто-то вымазал грязью окно в комнате, приготовленной для нее. И случилось это, едва она переступила порог дома! Вильма подберет нужное средство, чтобы нашу гостью больше не тревожили. – Фроя скороговоркой выдает всю тираду, не позволяя Хенрику вставить даже слово, берет Рин за руку и тянет в сторону. Коллекционер «саабов» озадаченно смотрит им вслед, почесывая затылок. В окне дома за его спиной появляется любопытное лицо полноватой немолодой дамы, судя по всему, его супруги Анны. Вид у нее явно нерадостный.

Рин чувствует себя пятилетним ребенком, застигнутым врасплох в самом разгаре процесса сотворения какой-нибудь каверзы, и ей хочется высунуть язык с громким «бе-е!», чтобы отразить колючие взгляды, но она просто отворачивается. Нигде не любят чужаков, так уж устроено.

Минут через двадцать, проследовав через небольшой смешанный лесок, Рин и Фроя выходят к другому дому, точной копии дома Хенрика. Можно было бы решить, что они сделали круг и вернулись в то же место, если б не отсутствие автомобилей и наличие цветочных клумб, густо сгрудившихся на лужайке вдоль фасада. Возле дома Хенрика Рин не заметила ни одной клумбы. А здесь шапки гортензий, огромные и пышные, как сугробы, заслоняют окна, за одним из которых маячит чей-то силуэт.

– Все время поражаюсь, как нашей Ингрид удается разводить цветы в таком суровом климате! – замечает Фроя. – Разве что ей тоже помогает наша Вильма. Хотя... думаю, Вильма слишком далека от таких вещей, как цветники и тому подобное. Вряд ли она стала бы тратить на это время и силы.

– Даже за деньги? – Рин с упоением вдыхает сладковатый цветочный аромат.

– Деньги ее давно не интересуют. – Фроя хмыкает.

– Надо же! Клумбы, и правда, роскошные. – Рин успевает сделать пару шагов в направлении дома, но поспешно возвращается к своей спутнице, окликнувшей ее с тревогой в голосе.

– У нас не принято топтать чужие лужайки, – поясняет она. – Ингрид это не понравится. Она не прогонит, конечно, но раз не вышла к нам, значит, не настроена общаться. Не будем ее волновать.

– Почему же тогда нигде нет изгородей?

– Закон не позволяет. Да, и кому это понравится, если каждый обнесет свои владения забором? Территории у домовладений немалые, и тогда даже прогуляться будет негде. Однако приближаться к домам без приглашения хозяев – это дурной тон. Хотя и не запрещено.

Они идут дальше. На пути все чаще попадаются расщелины, заполненные водой. Некоторые легко перешагнуть, другие настолько широки, что приходится идти вброд, балансируя с раскинутыми в стороны руками, чтобы не потерять равновесие на ворочающихся под ногами камнях. Фроя двигается более уверенно и то и дело забегает вперед.

– Откуда здесь столько воды? – удивляется Рин, крича ей вслед. – Мы отошли так далеко от берега!

Спутница оборачивается и сбавляет темп.

– Трольхол, хоть и считается одним большим островом, но на самом деле это шхера, скопление мелких островов, примыкающих друг к другу или соединенных перешейками. Сейчас еще ничего, а в непогоду некоторые места становятся опасны для пеших прогулок или вовсе недоступны. Порой приходится ждать, пока уровень воды спадет, или тащить на себе надувную лодку, а это, скажу я вам, нелегкая ноша!

Рин догадывается, отчего у Фрой такие жилистые и грубые руки со вздувшимися венами. Наверное, у той нет мужа, и одинокая жизнь на острове дается ей нелегко.

Они минуют еще несколько домов, похожих на предыдущие так же, как похожи между собой молодые грибочки в одной семейке. Отличаются лишь дворы: на некоторых – просторные лужайки с коротко подстриженной травкой, другие засажены кустарником, кое-где красуются ажурные беседки, увитые плющом, расставлены плетеные кресла-качалки и столики. На одном из таких кресел сидит старик, прикрывшийся газетой. Он явно наблюдает за ними, выглядывая через край, но не приветствует. Его ноги укрывает толстый вязаный плед, свисающий до земли. Рин давно уже не встречала людей с газетами в руках. Возникает чувство, будто остров по какой-то причине застрял в далеком прошлом, когда все подряд читали газеты, а машины были похожи на крутобоких жуков.

Рин на всякий случай машет старику, проходя мимо. Тот не реагирует, провожая ее быстрым внимательным взглядом, и утыкается в свою газету.

Вдалеке, на приличном расстоянии, виднеется еще один дом. Лужайки там нет, его заслоняют ивы и низкорослые березы. Среди ветвей движется что-то огромное и темное. Рин замораживает. Всматривается, чувствуя, как липкие щупальца страха расплозаются внутри, тянутся к сердцу, сжимают его, обжигая холодом.

– Там... непонятное существо, – бормочет она, не в силах заставить себя идти дальше.

Увидев ее замешательство, Фроя находит взглядом то место и, смеясь, одним словом унимает беспокойство Рин:

– Лось!

– Лось? Здесь водятся лоси размером со слона?

– Ну, не все такие большие. Это Яттэ, гигант по-шведски. Уже совсем старичок.

– Вы даете лосям имена? И способны узнать каждого на таком расстоянии?

– Его трудно не узнать. Самый большой и самый наглый. Остальные не осмеливаются подходить к моему дому так близко. Яттэ привык, что я оставляю какие-нибудь лакомства в лесу, а когда забываю это сделать, он появляется, чтобы напомнить о себе.

– Так это ваш дом?

– Да. Наш с отцом. Отец теперь редко выходит. Сидит днями напролет у раскрытого окна и смотрит в небо. Говорит, что в ясную погоду он видит там мамино лицо, а в ветреную слышит ее голос.

– Как трогательно!

– По правде говоря, я в последнее время опасаясь оставлять его одного. Мне было спокойнее, когда он жил в доме престарелых. Но отец утверждает, что небо там слишком унылое, лица мамы не видно, да и ветра не слышно, потому что окна запечатаны наглухо, чтобы никого не просквозило. – Фроя грустнеет, потом встряхивается как от дремоты, и бодро восклицает: – А хотите взглянуть на Тролльхол с высоты? Если сделаем небольшой крюк, я покажу вам отличное место откуда остров виден как на ладони. Кстати, оттуда открывается отличный вид на дом Юхана. Не знаю, подойдет ли вам этот ракурс, но уверена, что лучшего просто нет.

– Дом Юхана? Кажется, мы ушли от него так далеко!

– Далеко было от магазина. А потом мы двигались в обратную сторону, только другой дорогой. Дом Юхана во-он за теми скалами. Давайте поднимемся, и сами увидите.

Подъем дается Рин нелегко. Камни осыпаются под ногами, колючий кустарник колется сквозь одежду, пот стекает по щекам и шее, струйки резво бегут между лопаток. На особенно крутых участках ей приходится упираться в скальные уступы ребром стопы и цепляться руками за каменные выпуклости. Хорошо хоть, что подошва у новых сапог достаточно толстая и прочная, словно специально изготовленная для горных походов. Но вот, спустя полчаса, вершина покорена. На ней обнаруживается дощатый помост, обнесенный с трех сторон изгородью из тонких круглых бревен. Так и манит пройтись по нему до самого края, за которым – обрыв.

– Ох, как же красиво! – выдыхает Рин, окидывая взглядом зеленую долину внизу, посреди которой ярким пятном выделяется дом Юхана. Его действительно отлично видно отсюда, только теперь за ним не скалы, а море, и от этого он кажется таким невозможно прекрасным, что у Рин щемит сердце.

– Я же говорила. – От широкой улыбки обветренное лицо Фройи покрывается тонкими длинными морщинками, похожими на трещинки. – А как вам ракурс? Подойдет для картины?

– Еще как! И этот помост здесь очень кстати, удобно будет поставить мольберт. Только вот... э-э-э... карабкаться сюда каждый день – сомнительное удовольствие.

– Ерунда! Это первый раз трудно, потом привыкнете. Через пару недель будете прыгать по скалам, как горная козочка! Но можно подняться и с другой стороны, там склон более пологий. Я покажу вам этот путь, когда мы отправимся на экскурсию по древней крепости.

Между прочим, мы сейчас стоим на останках сторожевой башни. Под нами – лестницы, по которым когда-то сюда поднимались дозорные, но все сооружение сильно разрушено, поэтому для предотвращения несчастных случаев и положили настил из досок, чтобы закрыть доступ внутрь. Бывает ведь, приезжают туристы, хотя наша крепость – не туристический объект, информации о ней в открытых источниках нет, однако же время от времени ее как-то находят.

Рин смотрит под ноги. Толстые серые доски плотно пригнаны одна к другой, но кое-где видны черные щели. Так и хочется в них заглянуть. Не верится, что под досками многометровая пустота.

– Как же получилось, что мы забирались на скалу, а оказались на башне?

– Башня примыкает к скале с обратной стороны, ее хорошо видно из дома Юхана.

– Зачем строить сторожевую башню, если есть скала, на которой можно соорудить обзорную площадку? Ведь эта башня служила именно для обзора, разве не так?

– Однажды я задала такой же вопрос своему отцу и узнала, что тонкости военного дела не для женских мозгов. – Фроя смеется. – Потом он все-таки объяснил, что бойницы в стене башни, обращенной к морю, служили для того, чтобы, завидев врага, воины могли сразу начать бой, оставаясь под прикрытием толстых стен.

– Надо же, все просто и логично, но почему-то мне это и в голову не пришло. Пожалуй, женские мозги действительно предназначены для другого, хотя иногда бывает обидно слышать такое.

– Времена изменились. Мы, женщины, стали самодостаточными и не желаем признавать себя слабым полом, не хотим быть хранительницами очага. Ну, а мужчины забыли о том, что им природой отведена роль добытчика и защитника. Не все, конечно. В таких провинциях, как наша, еще остались настоящие мужчины, но это – старая гвардия, им уже недолго осталось.

– А Юхан? – вопрос сам слетает с языка, и Рин злится на себя за несдержанность. Мало того, она чуть не сказала «мистер Айсберг»! Не хотелось бы объяснять Фрое, почему она придумала Юхану такую кличку.

– Что «Юхан»? – Фроя непонимающе смотрит на нее.

Рин смущается.

– Ну... он, по-вашему, к какому типу относится?

Глаза Фрой внезапно темнеют. Скорее всего, это от того, что на солнце набежала плотная тучка, но Рин кажется, что шведку рассердил ее вопрос. Фроя открывает рот для ответа, но налетевший ветер выхватывает густую прядь волос из ее растрепавшейся косы и залепляет ей пол-лица. Она сдвигает ее в сторону, прижимает к щеке, чтобы та не помешала ей снова, и говорит, глядя исподлобья:

– Вот вам добрый совет: лучше не думайте о нем, как о мужчине. И вообще... поменьше думайте о нем.

Тотчас выражение ее лица меняется, делаясь глуповато-радостным, она вскидывает руку и, указывая вдаль, щебечет, как ни в чем не бывало:

– А вон дом Вильмы, смотрите! Во-он на той каменистой кочке рядом с берегом! Это совсем крошечный островок, на нем так мало свободного места, что даже плед для пикника негде расстелить. Мы называем его «Тролльхель», что означает «пятка тролля». Правда же, похоже на огромную пятку, торчащую из воды?

Рин молча кивает, еще не оправившись от неприятной дрожи после слов о Юхане. Фроя тараторит дальше:

– Если хотите попасть к Вильме сегодня, то надо выдвигаться. Темнеет теперь довольно поздно, но все-таки лучше поспешить. Что скажете? Может, перенесем визит на завтра? Тем более, вижу, вы порядком устали.

– Всю ночь не спала из-за случая с грязью на окне. И снова не усну, если не сходим к Вильме.

– Ну, тогда в путь! – Фроя поворачивается и начинает проворно спускаться по склону. Провожая ее взглядом, Рин думает, что никогда не сможет перемещаться по скалам с такой быстротой и ловкостью.

6. Вильма

Островок, называемый «пяткой тролля», отдален от Тролльхола примерно на сотню метров. Вода прозрачная, спокойная, и видно дно – совсем не глубоко. Действительно, вполне можно пройти вброд.

Дом Вильмы – единственный дом на этом островке – не похож на другие дома, скорее, на строительную бытовку: приземистый, в один этаж, никаких веранд, мансард и террас, просто прямоугольная хибара с крошечным покосившимся крылечком без перил.

С близкого расстояния видно, что он очень запущенный. По ржавой крыше расползся ядовито-зеленый мох, традиционная красно-коричневая краска на стенах облезла, деревянные оконные рамы изрядно подгнили и покрылись белесыми пятнами грибка. Ремонт здесь не делали как минимум полсотни лет. Возле дома днищем кверху лежит небольшая деревянная лодка – судя по всему, на тот случай, если уровень воды поднимется.

Неожиданно дверь в доме распаивается, и в проеме появляется парень, худощавый, темноволосый, в спортивном костюме и высоких резиновых сапогах. Он заворачивает за угол дома и выходит оттуда, удерживая за руль фэтбайк – массивный и низкий велосипед с толстыми рельефными шинами. Парень катит его по воде рядом с собой, направляясь туда, где все еще стоят Рин и Фроя. Из-под колес летят брызги, попадая на одежду, но ему, похоже, все равно.

– Привет, Ян! – Фроя машет ему рукой и сообщает Рин: – Это соцработник, он привозит Вильме продукты. Правда, она их не ест, отдает Хуго вместе с мусором.

– А чем же она питается?

– Подозреваю, что ее основная пища – это энергия стихий и космоса.

Каскад холодных брызг долетает до Рин. Вскрикнув, она отскакивает в сторону. Фроя ворчит на подошедшего Яна:

– Вот же бестолочь! Гостью нашу вымочил.

– Извините. – Парень, явно сконфуженный, не смотрит ни на Фрою, ни на Рин, и направление его взгляда определить невозможно из-за сильного косоглазия. – Я не нарочно.

Еще у него странный голос, слишком высокий для его возраста, и сиплый, будто простуженный, а выражение лица как у умственно отсталого. Рин всегда старалась избегать ненормальных: ей казалось, что в любой момент они могут впасть в ярость и вцепиться в горло первому встречному. Вот и этот Ян не вызвал у нее симпатии.

– Как там Вильма? Не занята? – спрашивает Фроя.

– Нет, она давно вас поджидает, – отвечает Ян. – Сердится от того, что вы кругами ходите.

«Может, он и умственно отсталый, но английским владеет неплохо, – отмечает про себя Рин и вдруг удивляется: – Откуда же Вильме известно, как и где мы ходим?!»

Ян перекидывает длинную ногу через раму фэтбайка, усаживается верхом и налегает на педали. Массивные колеса тяжело подпрыгивают на неровностях. Забираясь все выше в гору, фэтбайк движется рывками, как ретивый скакун. В бардачке под сиденьем звонко бряцают гаечные ключи. Полупустой сплюснутый рюкзак нещадно колотит парня по спине, из него доносится дробное постукивание, словно внутри находится куча мелких твердых предметов. Что-то светлое выскальзывает из отверстия в неплотно закрытой застежке-«молнии», падает на каменистую поверхность и скатывается вниз.

– Ян! Пойдите! – кричит Рин и спешит подобрать предмет, но не может найти его, хотя отлично помнит место, куда он упал. Там лежит только высохшая птичья косточка. Скорее всего, она здесь уже давно, а предмет, выпавший из рюкзака, провалился в какую-нибудь расщелину.

– Что случилось? – спрашивает Фроя, удивленно глядя на Рин, склонившуюся над землей.

- Ничего. Показалось, будто Ян что-то выронил.
- Вот разиня! Надеюсь, это были не ключи от его дома.
- Нет, другое. Но я ничего не нашла.
- Совсем ничего?

– Здесь только вот это, но вряд ли это оно... – Рин все-таки подбирает кость и показывает Фрое.

– Давайте-ка ее сюда, потом разберемся. – Косточка переключивается в карман домработницы, и в последний миг Рин замечает на ней какой-то знак, выцарапанный из нескольких ломаных линий. Она вскидывает вопросительный взгляд на свою спутницу и по выражению ее лица понимает, что не получит ответов.

– Вильма заждалась нас! – Фроя входит в воду. Тугая, янтарно-медовая коса переливается на солнце, покачиваясь между лопаток в такт шагам. Рин недоумевает: где же седина? Вчера Фроя была совсем седая. Хотя... ну что тут удивительного? Покрасила волосы, вот и все. Ничего мистического.

Найденное объяснение не приносит успокоения, Рин интуитивно понимает, что все не так уж просто. Ее гложут сомнения в том, что загадочная Вильма чем-то ей поможет. Здесь явно не любят чужаков, и вряд ли эта знахарка, или кем там она считается, станет исключением. Зачем же Фроя ведет ее к ней на самом деле? Что она задумала? И не станет ли все еще хуже после этого визита?

Рин подходит к дому Вильмы, находясь в полном смятении, и останавливается. Она готова повернуть назад, не перешагивая порога, но Фроя берет ее за руку и тянет за собой внутрь.

Вильма встречает их в темной захлавленной прихожей. Это коренастая крепкая старушка с молочно-белыми волосами и пронзительными дымчато-синими глазами на бледном лице. Но, несмотря на бледность, она ничуть не выглядит нездоровой, наоборот, вся так и лучится энергией. Хозяйка подходит очень близко к Рин, а затем долго и пристально смотрит на нее так, как смотрят на человека с нечистыми намерениями. Рин становится неуютно под этим блуждающим взглядом, и возникает странное чувство вины, беспричинное, но тем не менее очень сильное. Ей хочется отвернуться, но почему-то не получается: Вильма словно силой удерживает на себе ее взгляд, не позволяет отвлечься. Но наконец она ее «отпускает» и, обращаясь к Фрое, произносит короткую фразу на совершенно незнакомом языке. Это точно не шведский, и не разновидность местного диалекта. Это вообще не похоже на человеческий язык, скорее на птичий клекот. Фроя сразу расслабляется и расплывается в улыбке: судя по всему, полученная информация приглянулась ей по душе. А Рин догадывается, что прошла некую проверку. Но тут выясняется, что это еще не все испытания на сегодня.

Оставив гостей у порога, Вильма скрывается в недрах своего жилища и вскоре возвращается, облачившись в замызганный наряд, отдаленно напоминающий одеяние средневековой ведьмы: на голове ее высится конусообразная шапка из задубевшей кожи, подбитая мехом, пожелтевшим от времени, тело прикрывает полинявший, сизовато-фиолетовых оттенков плащ, весь в пятнах и разводах, а в руке зажат черный остроконечный жезл, похожий на вертел для жарки мяса, с веретенообразным утолщением в середине. В другой руке Вильма держит деревянный сундучок, окованный медью. Жестом пригласив следовать за собой, она идет к выходу. Гроздь длинных белых палочек, притороченных к поясу, дробно постукивают на каждом шагу, и Рин узнает в них птичьи косточки с различными символами.

Потом Рин и Фроя томятся ожиданием, расположившись на валунах за домом, пока Вильма занимается приготовлениями: разжигает костер в расщелине между камней, а когда он как следует разгорается, извлекает из сундука кожаный кошель, стянутый тесьмой, раскрывает его и высыпает на ладонь часть содержимого: это похоже на семена какого-то растения, круглые глянцевые крупинки черного цвета. Размашистым движением Вильма швыряет их в огонь,

берет жезл и, постукивая им о каменистую поверхность под ногами, медленно идет вокруг костра, не отрывая взгляда от плюющихся искрами языков пламени. Она воркует что-то по-голубиному, белый полупрозрачный дым окутывает ее, полы плаща вздымаются и трепещут подобно крыльям, а голова в остроконечном колпаке теперь выглядит, как голова птицы с поднятым к небу клювом.

Рин, зачарованная зрелищем, подается вперед. Ей кажется, что плащ Вильмы покрывается перьями, а под ним мелькают когтистые птичьи лапы. Внезапно Вильма взмахивает жезлом и на миг вонзает его острый конец в плечо Рин, проткнув ткань футболки, затем вытирает острие о ладонь, проводит по ладони указательным пальцем и прикладывает этот палец к своим векам – вначале к одному, потом к другому – после чего замирает с закрытыми глазами.

Рин потирает уколотое плечо и, возмущенно вскинув брови, косится на Фрою. Та прикладывает палец к губам и отрицательно качает головой, давая понять, что не стоит прерывать ритуал.

– Хорошо, – едва слышно произносит Рин, смиряясь. – Надеюсь, она не выколет мне глаза.

– Она взяла каплю твоей крови, чтобы узнать, как помочь тебе.

Старушечьи пальцы касаются костяных гроздьев на поясе, перебирают их, срывают одну кость и бросают в костер. Языки пламени взывают ввысь. Рин поднимает взгляд и замечает, как быстро покраснело небо над горизонтом, словно костер Вильмы окрасил его. Несколько крошечных необитаемых островков вдали кажутся спинами морских чудовищ, поднявшихся из темных глубин и затаившихся в ожидании ночи, когда можно будет начать охотиться. Рин кажется, что они вот-вот заметят ее. Она оглядывается на дом и понимает, что его ветхие стены не способны послужить убежищем. И едва ли на всем Трольхольме найдется безопасное место, где можно будет укрыться от здешних монстров.

Рин ужасается своим мыслям, недоумевая, откуда те взялись, пытается вытеснить их из головы, представить их глупой выдумкой, но тщетно: ей чудится, что эти страхи рождены не разыгравшимся воображением, а обострившейся интуицией. Глубокое древнее чувство вселяет уверенность, что все вокруг кишит каменными монстрами, которые оживают по ночам. А ночь наступит уже совсем скоро.

К огромному облегчению Рин, Вильма завершает ритуал раньше, чем на небе зажигаются первые звезды. Она тушит костер, выплеснув на него несколько пригоршней воды из бочки, стоящей у стены дома, а затем, присев на корточки, сгребает пальцами мокрую золу и, захватывая ее щепотью, насыпает в свою ладонь, сложенную лодочкой. Когда в ней скапливается приличная горка, Вильма выпрямляется, подходит к Рин и вываливает пригоршню золы ей на голову. Колючие крупинки попадают под воротник, катятся по спине и застревают под одеждой. Рин стойко переносит это испытание и молча терпит даже тогда, когда вельва принимается вычерчивать зажатым в пальцах влажным угольком какие-то знаки у нее на лбу, состоящие в основном из круговых линий. При этом старуха так сильно закатывает глаза, что между веками остаются одни белки – нездоровые, налитые кровью. Ее белые брови взлетают вверх и трепещут, будто их обладательница потрясена зрелищем, увиденным внутри собственной черепной коробки.

К концу процедуры от уголька ничего не остается. Вильма вытирает свои пальцы о губы Рин и, выкатив глаза обратно, что-то говорит на странном «птичьем» языке.

– Теперь ты в безопасности, – шепчет Фроя.

Рин не смотрит на нее. Она вглядывается в линию горизонта, заметив, что острова-«чудовища» зашевелились. Одновременно с ними зашевелились и скалы Трольхольма, нависающие над «пяткой тролля», и сама «пятка» как будто обрела подвижность: ее поверхность то вздымается под ногами, то опадает, словно от дыхания, отчего кажется, что остров Вильмы раскачивается подобно шлюпке на волнах. Рин хватается за плечо Фрой, чтобы не упасть, и зажму-

ривается, чтобы не видеть, как оживает каменная твердь, а потом... потом каким-то чудом она оказывается перед домом Юхана, прямо перед ярко-освещенной стеклянной стеной гостиной. Ни Фрои, ни Вильмы рядом нет, а Юхан сидит прямо перед ней за пустым столом и задумчиво смотрит в никуда. Он не видит ее, скрытую в чернильной темноте, ведь ночь давно наступила.

7. Третья дверь

«Три единицы», – к своему удивлению Рин вспоминает код замка, хотя не может вспомнить даже, как очутилась перед этой дверью. Она надеется проشمыгнуть незамеченной, но Юхан появляется в прихожей.

– Добрый вечер! – произносит он, скрещивая руки на груди. Выражение лица у него не самое приветливое. – Ваш телефон недоступен. Сломался?

– А? Да! Сломался... я его уронила, на пол. – Рин кивает, виновато улыбаясь. – У вас есть тут где-нибудь ремонт телефонов?

– Ближайший в Бьёрхольмене. Попросите Хуго, он вас отвезет. А где вы... – Юхан сбивается и замолкает на полуслове, но спустя секунду все-таки спрашивает: – Заработались над картиной?

Станный вопрос! Скорее – издевка, ведь он прекрасно видит, что при ней нет ни мольберта, ни кейса с кистями и красками. За плечами – только рюкзак с ветровкой на случай дождя, и кроссовками, которые она сложила туда после того, как переобулась в новые резиновые сапоги.

– Я пока не приступила. – Рин старается, чтобы голос звучал уверенно, но язык почему-то плохо ее слушается. – Фроя показала мне место с хорошим видом на дом. Завтра же начну.

– Ничего, я вас не тороплю. Понимаю, вам ведь нужно проникнуться атмосферой, настроиться.

Рин согласно трясет головой, радуясь тому, что он сам подобрал для нее достойное оправдание. Ее взгляд случайно натывается на циферблат настенных часов над входом в кухню. Стрелки показывают двадцать минут первого. Рин склоняется, чтобы снять сапоги, и ее желудок выдает возмущенный голодный вой.

Юхан поворачивается и скрывается в кухне. Оттуда доносится пощелкивание каких-то кнопок, хлопает дверца холодильника, раздаётся стук тарелки, поставленной на стол.

– Я приготовил вам кофе и сэндвичи с тунцом, – сообщает он, возвращаясь в прихожую.

– Благодарю, – отвечает Рин, не поднимая головы. Справившись с сапогами, она озадаченно разглядывает фигурные комья грязи, нападавшие с них на глянцевый паркет из беленого дуба.

– Приятного вам ужина. Ну, а мне пора. Рано утром я уезжаю в Стокгольм. Меня не будет пару дней. По всем хозяйственным вопросам обращайтесь к Фрое. – Юхан величественно удаляется, не дожидаясь ответа Рин.

Она спохватывается слишком поздно и успевает увидеть его силуэт всего на секунду, прежде чем тот скрывается за дверью, ведущей на хозяйскую территорию, запретную для гостей. Горечь сожаления разливается внутри: ведь мог бы остаться и выпить кофе вместе с ней! Неужели она ему совсем не интересна? Хорошо, пусть так, но хотя бы из вежливости можно ведь побеседовать несколько минут! Что за демонстративное безразличие?

Отыскав в кладовке совок и щетку, Рин сгребает с пола комья грязи и несет их в ванную, где выбрасывает в мусорное ведро. Из зеркала над раковиной на нее смотрит взлохмаченная замарашка, в которой Рин с трудом узнает себя. Теперь понятно, почему Юхан ушел так быстро. Страшно представить, что он о ней подумал. И даже намек на брезгливость на его лице не промелькнуло! Какая выдержка!

Позабыв о голоде, Рин забирается в душ и тщательно намыливается с ног до головы. Крошки золы, застрявшие в волосах, царапают кожу. Смывая их вместе с грязной пеной, она гадает, каковы будут последствия странного обряда, совершенного над ней Вильмой. Еще тревожит довольно внушительный пробел в памяти, образовавшийся с того момента, как зола посыпалась ей на голову, и до ее возвращения в дом Юхана. Как она добралась сюда в тем-

ноте по местности, изрезанной скалами и расщелинами? Почему не помнит, как шла? Она, что, спала на ходу? И куда подевалась Фроя? Может быть, ее новая приятельница решила, что Рин больше не нуждается в сопровождении после того, как подверглась колдовским манипуляциям? Если так, то ее благодетельница явно поспешила с выводами, потому что сама Рин утратила уверенность в своей адекватности.

Кофе, приготовленный Юханом, давно остыл, но все равно оказался приятным на вкус, а сэндвичи с тунцом мгновенно вернули Рин к жизни. Она и не подозревала, что буквально умирает с голоду. Проглотив все до последней крошки, она понимает, что не наелась, и уминает целую пачку имбирного печенья, обнаруженную в одном из шкафчиков. Запив его остатками молока из пакета, найденного в холодильнике, Рин переводит дух и прислушивается: в тишине раздается лишь мерное пощелкивание секундной стрелки. Ей становится неловко от мысли, что Юхан в своей комнате мог слышать, как она чавкает и хрустит печеньем. Ему, должно быть, не очень-то приятно терпеть ее присутствие в своем доме.

Стараясь не шуметь, Рин моет посуду и выходит в прихожую, а оттуда – в холл. Слева от нее виден проем гостиной, свет там уже не горит, и за стеклянной стеной напротив искрится звездное небо. Прямо перед Рин белеют две двери. На миг они расплываются перед глазами, и ей кажется, что дверей стало три, но потом взгляд фокусируется, и лишняя дверь исчезает. Все-таки обряд Вильмы оказал на нее какое-то странное воздействие, схожее с опьянением. Хорошо бы, эти последствия прошли к утру и не оставили неприятных ощущений вроде похмелья.

Забравшись в постель, Рин мгновенно проваливается в сон, в котором вновь оказывается в холле перед белыми дверями. Контуры дверей множатся, и непонятно, которая из них настоящая. Пальцы Рин шарят по стене в попытках ухватиться за одну из дверных ручек, но те либо ускользают от нее, смещаясь в сторону, либо исчезают, как предметы в руках ловкого фокусника.

«Смотрите, не перепутайте!» – доносится из глубин памяти грозный голос Юхана, и ей становится страшно от того, что она может открыть не ту дверь. Ей не хочется нарушать требование хозяина дома, он и так позволяет ей слишком много: приходит за полночь, топтать грязными сапогами дорогой дубовый паркет, поглощать его продукты, и даже нанял помощницу, чтобы та готовила для нее горячие обеды. И что он подумает, если она вдруг завалится к нему в комнату посреди ночи?

Рин обхватывает голову руками, зажмуривается на миг, а когда вновь открывает глаза, пляска дверей прекращается. Правда, это не приносит никакого облегчения, потому что дверей оказывается не две, а три, и какая из них ведет в ее комнату, неизвестно. Где возникла лишняя дверь – справа, слева или посередине? Рин не может решиться и выбрать, какую из них открыть, но тут все они внезапно распахиваются сами. Коридоры за ними абсолютно одинаковые, а в конце каждого из них – такие же одинаковые белые двери. И почему Юхан не повесит на них таблички, недоумевает Рин и тут вспоминает, что в этом не было необходимости, когда дверей было две. Тогда она точно знала, что нужная ей дверь находится слева. Рин перешагивает порог в одном из дверных проемов – в том, что находится посередине – и медленно идет по мягкому ковровому покрытию. Резкий хлопок за спиной заставляет ее обернуться. Дверь позади нее захлопнулась и тает прямо на глазах, а сквозь нее проступает стена из красно-коричневых кирпичей. Небрежные кривые ряды выглядят так, будто их выкладывал дилетант, да к тому же делал это в спешке. Рин бежит обратно и упирается руками в эту стену, надеясь, что кладка еще свежая, и ей удастся выломать брешь, но попытка выбраться наружу не удается. Рин кричит в панике, испытывая приступ клаустрофобии, но не слышит своего голоса, а в следующий миг просыпается, вся покрытая холодным липким потом.

В комнате темно, и вначале кажется, что еще глубокая ночь. Затем Рин замечает на полу узкую полоску света, поднимает взгляд к окну и кричит – на этот раз, во весь голос. Окно снова

замазано грязью! Оправившись от шока, Рин вскакивает и выбегает в холл. В конце концов, Юхан – хозяин этого дома и должен знать, что здесь творится! Она дергает на себя ручку двери, ведущей к хозяйской комнате, но дверь не поддается. Под ручкой темнеет замочная скважина. Выходит, замок заперт. Рин заглядывает в гостиную и кухню, хотя не надеется найти там кого-нибудь: для Фрои еще слишком рано, а Юхан, скорее всего, уже уехал, ведь он ее предупреждал. Да и, будь они в доме, уже сами вышли бы к ней, услышав ее вопли.

Рин возвращается в холл, к дверям и, не отдавая себе отчета, зачем-то проводит рукой по стене – там, где во сне видела третью дверь. Край обоев задирается под пальцами, и обнажается щель, узкая, не толще волоса, ровная и длинная. Рин отгибает лист обоев вдоль стыка – щель тянется дальше, и вскоре становится ясно, что сон оказался вещим: под обоями, и в самом деле, находится еще одна дверь! Причем сделана она на одном уровне со стеной, будто ее нарочно смонтировали так, чтобы никто из посторонних ни за что не догадался о ее наличии.

В замешательстве Рин оседает на пол, хотя в тот момент уже знает, что это лишь небольшая отсрочка перед тем, как пройти сквозь потайной ход. Она не сомневается, что сделает это. Нужно лишь немного времени, чтобы собраться с духом и отодрать лист обоев полностью!

И тут Рин вспоминает про измазанное грязью окно. Сердце делает кульбит и начинает колотиться чаще. Выходит, обряд Вильмы не оградил ее от злоумышленника, и тот повторил свою пакость. Чего он хочет? Какую цель преследует? Решил просто попугать? Или таким образом угрожает ей и вскоре перейдет к решительным действиям?

Так или иначе, а намерение обследовать запретную территорию сменилось желанием немедленно сообщить об акте вандализма в полицию. Вот только как это сделать, если неизвестно, где эта полиция находится, и позвонить никому нельзя, потому что телефон неисправен со вчерашнего дня!

Выход из положения напрашивался такой: нужно выбраться из дома, найти кого-нибудь из жителей и попросить их позвонить в полицию. Одна проблема – эти жители не ходят здесь толпами, а без помощи Фрои Рин не только никого не найдет, но еще и сама заблудится! Получается, лучше дождаться прихода Фрои, но сидеть в доме полдня в одиночестве и прислушиваться к каждому постороннему звуку – та еще пытка. Уж лучше прогуляться по окрестностям. Едва ли злодей вздумает напасть на нее среди бела дня, да и все же будет шанс встретить кого-нибудь из соседей.

Мысль о том, что придется вернуться в комнату, чтобы переодеться, вызывает бурный приступ страха. Рин достает толстовку из шкафа в прихожей, надевает ее поверх пижамы и критическим взглядом окидывает свое отражение в зеркале: пыльно-розовые трикотажные брюки вполне гармонируют со вставками похожего цвета на плечах и рукавах. «Сойдет за спортивный костюм», – решает Рин и, захватив из кухни бутылку апельсинового сока и пачку имбирного печенья, выходит из дома. Ей не привыкать завтракать печеньем, зато впервые предстоит сделать это в компании с морским бризом и лучами восходящего солнца, а такая компания, по ее мнению, способна превратить в праздник самую незамысловатую трапезу.

8. Дневник Лилли

Предвкушение приятного завтрака улетучивается при виде одинокой женской фигуры, бредущей вдоль берега по щиколотку в воде. Это старая Эбба, Рин узнаёт ее по крупному телосложению и белым всклокоченным волосам. Женщина идет, опустив голову вниз, и не видит ничего вокруг. На шерстяной кофте темнеют засохшие комья грязи – не той ли самой, которой вымазано окно в спальне Рин? Судя по виду Эббы, спрашивать ее о чем-либо бесполезно, к тому же она, кажется, не говорит по-английски, а шведского Рин совсем не знает. И все же незаметно пройти мимо вряд ли получится, слишком много открытого пространства вокруг. Хорошо бы удалось отделаться вежливым приветствием, но что, если обезумевшая женщина снова признает в ней свою дочь и набросится с объятиями? Однако пока Эбба все еще не замечает ее, и в надежде избежать общения, Рин ускоряет шаг, направляясь навстречу угрюмо поникшей фигуре, движущейся с медлительностью умирающей улитки.

На море почти полный штиль, ленивые волны беззвучно перекачиваются по берегу, и галька громко хрустит в тишине, несмотря на все старания Рин ступать бесшумно. Эбба вздрагивает, услышав хруст, склоняет голову вбок, как сорока, и вяло косится на Рин, затем в ее взгляде появляется любопытство, а следом – осмысленность. Она плавно поворачивается всем телом, словно груженое судно, меняющее курс, и движется в сторону Рин уже заметно быстрее.

Издалека, со стороны моря, доносится нарастающий стрекот мотора, а вскоре из-за каменной гряды, заслоняющей горизонт, появляется моторная лодка. Эбба оборачивается, скидывает руки и с криком «Элиас!» шагает обратно, стремительно погружаясь в воду.

– Стойте! – Рин бросается за ней следом, опасаясь, что женщина утонет прежде, чем моторка поравняется с ней.

Люди в лодке вскакивают на ноги и встревоженно смотрят на них, все, кроме одного, сидящего у руля. Увидев, что Рин догнала Эббу и взяла ее под руку, рулевой направляет лодку к пирсу, расположенному неподалеку, и там глушит двигатель. Его внешность кажется Рин знакомой: черная засаленная куртка с огромным капюшоном, горбом вздыбившимся на спине, толстая вязаная шапка, надвинутая по самые брови, суровое обветренное лицо морского волка с окладистой рыжей бородой – нет никаких сомнений в том, что это Хуго, который доставил ее на Тролльхол из Бьёрхольмена. По всей видимости, перевозка людей с острова – его повседневная работа.

Он помогает двум своим пассажирам – пожилой паре чопорного вида – перебраться с лодки на дощатый настил пирса, поддерживая их под руки. Третий пассажир, взлохмаченный долговязый парень в черном трикотажном костюме, справляется сам – с легкостью запрыгивает на пирс, не дожидаясь, когда освободится лестница. Рин узнаёт косоглазого Яна, помощника Вильмы, показавшегося ей на первый взгляд умственно отсталым.

Эбба вырывается у нее из рук и, поднимая фонтаны брызг, мчится в сторону пирса.

– Элиас! Элиас! – Ее крик звучит так же неистово, как тогда, когда она кричала «Лилли», глядя на Рин во время их первой встречи.

Удаляющаяся пожилая пара останавливается, супруги одновременно оборачиваются, смотрят на Эббу со смесью сочувствия и неприязни, а затем степенно продолжают свой путь. Эбба же их вовсе не замечает. Выскочив из воды, она резво мчится к Яну и, кажется, не видит никого и ничего вокруг, кроме него. Сообразив, что стал центром ее внимания, парень заслоняется руками и протестующе кричит что-то по-шведски. Кажется, он пытается убедить ее в том, что не является Элиасом.

До Эббы наконец-то доходит смысл его слов, она замирает с вытянутыми вдоль тела руками и начинает мелко трястись. По круглым и тугим, совсем не старым щекам градом

катятся слезы. Ян подходит и обнимает ее, легонько похлопывает по спине, бормочет что-то успокаивающее, что-то об Элиасе, – наверное, говорит, что тот скоро придет.

Хуго возится с лодкой, но то и дело смотрит в сторону Эббы и вздыхает, сокрушенно качая головой. Рин вспоминает, что собиралась раздобыть телефон, чтобы сообщить в полицию о вандале, дважды испачкавшем ее окно, но понимает, что уже не хочет ничего сообщать из-за подозрения в том, что сделать это могла Эбба. Ведь та как раз бродила неподалеку от дома Юхана, и ее кофта выпачкана грязью. Но Рин жаль несчастную обезумевшую женщину, потерявшую дочь и тоскующую по сыну, живущему далеко отсюда. Если, и правда, безобразие с окном – ее рук дело, то в случае вмешательства полиции ее замучают вопросами и вообще могут упечь в сумасшедший дом.

Решив, что звонить в полицию не будет, Рин все же направляется к Хуго, чтобы узнать расписание рейсов до Бьёрхольмена, где можно найти мастерскую по ремонту телефонов: ее телефон не работает третий день, и Кира там наверняка уже с ума сходит! Воспоминания о ней вызывают у Рин грустную улыбку: так быстро хватиться ее могла только она, ее единственная настоящая подруга. Все остальные знакомые и родственники выходили на связь лишь по праздникам или по какому-то особому случаю, которые бывают нечасто. При этом Рин прекрасно сознавала, что сама выстроила так свою жизнь: она посвятила себя искусству, и тратить время на общение ей было всегда жаль, даже для Киры. Просто Кира, в отличие от остальных, никогда не спрашивала разрешения, чтобы заявиться к ней в гости, и их дружба существовала лишь благодаря этой ее настойчивости.

– Ремонт телефонов? – Хуго оборачивается и энергично кивает на вопрос Рин о том, можно ли починить разбитый гаджет в Бьёрхольмене. – Даже если не почините, то сможете купить новый аппарат. Иногда это бывает даже дешевле, чем починка. Ну, и гораздо быстрее, само собой. Но сегодня не получится: я делаю туда только два рейса в день, и второй раз прибуду уже вечером, когда магазины закроются. Так что, лучше завтра с утра. А вечером вернетесь обратно. За день нагуляетесь по городку, по сувенирным лавкам пройдетесь, заглянете в ресторанчик или кофейню. Готовят у них, скажу я вам, везде неплохо. Да, а еще на яхты полюбуетесь... таки-ие красотики иногда заплывают! Там большая стоянка для частных плавсредств. В Бьёрхольмене всегда полно туристов, многие добираются по воде своим ходом. И у тех, кто побогаче, бывают очень внушительные посудины!

Рин вежливо кивает, благодарит за подробный рассказ, и, уточнив время утреннего рейса, отходит в сторону. Голосящая Эбба притягивает ее внимание. Повиснув на руке Яна, женщина ковыляет, отдаляясь от берега. Рин догоняет их и, поравнявшись, обращается к парню:

– Что-то случилось? Я могу помочь?

Эбба тут же вцепляется в нее свободной рукой и, взглядываясь в ее лицо, что-то говорит, быстро и умоляюще.

– Фру Свенссон приглашает вас к себе, выпить чаю с миндальным тортом, – поясняет Ян по-английски. – Она испекла его для сына, потому что думала, что он приезжает сегодня. Но это не так, она перепутала даты в календаре, и торт теперь есть некому.

– Конечно, скажи ей, я с удовольствием зайду к ней в гости! – Рин радуется, все-таки это лучше, чем коротать время в одиночестве, да к тому же в компании Яна, взявшего на себя роль переводчика, можно будет разузнать у Эббы подробности трагедии, случившейся с ее дочерью. Само собой, Рин не собирается задавать бестактные вопросы убитой горем женщине, но та ведь может и сама завести речь об этом. Только вот без Яна Рин ничего не поймет, поэтому она спрашивает у него: – Ты ведь тоже зайдешь?

Парень довольно улыбается, глядя одним глазом в ясное утреннее небо, а другим – на макушку каменной кручи за домом Юхана.

– Мне нравятся торты фру Свенссон!

По его ответу ясно, что он частенько чаевничает у Эббы – вероятно, каждый раз, когда она путает даты в календаре.

Оказывается, идти совсем недалеко. Ян виртуозно проводит их сквозь несколько коротких тоннелей в скалах, показавшихся Рин норами чудовищ в день ее приезда, и вскоре крошечный домик Эббы возникает перед ними, как по волшебству. Он превосходно выглядит, в отличие от хозяйки, не замечающей пятен грязи на своей одежде. Скорее всего, за состоянием дома следят социальные службы, и только поэтому он еще не пришел в упадок. Внутри, на первый взгляд, все тоже аккуратно прибрано, но позже Рин замечает островки хаоса: то тут, то там громоздятся кучки различного хлама, кое-где видны крошки, раковина в кухне полна грязной посуды, которая, судя по всему, лежит там не первый день. Такое впечатление, что порядок здесь наводит приходящая уборщица, и с момента ее последнего визита Эбба уже успела оставить повсюду следы своей жизнедеятельности.

Вид миндального торта на столе в гостиной вызывает у Рин ироничную улыбку: она не раз покупала точно такой же в Питере, в продуктовом отделе «Икеи». Получается, все труды Эббы по приготовлению торта ограничивались разморозкой его в микроволновке. Но, возможно, это и к лучшему. Не придется беспокоиться насчет того, что в состав теста или крема могло попасть что-нибудь лишнее или даже вовсе несъедобное.

Эбба жестом приглашает гостей за стол, а сама уходит в кухню. Ян отправляется за ней. Похоже, ему не привыкать здесь хозяйничать. Погремев там посудой, они возвращаются вместе, Эбба торжественно несет тарелку с сырной и мясной нарезкой, а Ян – поднос с кофе и корзинку с хлебом.

Рин вспоминает, что на ней надета плотная трикотажная толстовка, и за столом в такой одежде будет неудобно, но снять ее означает остаться в пижамной майке. Поразмыслив пару секунд, она все-таки выходит в прихожую, чтобы раздеться. Стянув кофту, критически разглядывает себя в зеркале. В другом месте она не осмелилась бы появиться перед посторонними людьми в таком виде, но здесь, скорее всего, никто и внимания не обратит на ее неподобающий наряд.

В зеркале за ее спиной отражается вход в комнату. Видна аккуратно застеленная кровать и комод, заставленный фигурками и фотографиями в красивых гипсовых рамочках. Вряд ли это комната Эббы, ведь не слишком опрятная хозяйка жилища просто не способна заправить постель без единой складочки. Скорее всего, последний раз на этой кровати спала Лилли, и с тех пор никто к ней не прикасался.

Рин поворачивается, ноги сами несут ее туда. «Только одним глазком», – мелькает в ее голове дерзкая мысль, и сердце начинает биться быстрее. Рин уверена, что не притронется к вещам, не нарушит порядка, не смахнет ни одной пылинки, но все выходит иначе. Она не в силах удержаться при виде толстой тетради в ярко-розовой обложке из искусственной кожи с трещинками и потертостями на углах. Тетрадь лежит на видном месте, на комод, в окружении фотографий. На всех – юная девушка, чем-то похожая на Рин: такие же русые волосы, но чуть светлее, не мышиного оттенка, а с медовым отливом; большие выразительные глаза, вроде бы тоже сине-зеленые, но синевы в них гораздо больше; острые высокие скулы, чуть коротковатый нос, но не идеально прямой, а чуть вздернутый, и рот – тоже большой, но форма губ более изящная.

«Так вот ты какая, Лилли», – думает Рин. Пальцы ее касаются гладкого переплета, откидывают обложку, и внутри все вспыхивает от понимания: это же дневник, хранилище всех тайн и секретов!

Рин с ужасом осознает, насколько отвратительный совершает поступок, но ничего не может с собой поделать. Руки вцепляются в тетрадь, и вот через мгновение та уже спрятана в рукаве ее толстовки, а толстовка свернута и засунута в рюкзак. Чтобы освободить место, Рин вытаскивает оттуда пакет сока и коробку печенья, прихваченные из кухни Юхана. Вернувшись

в гостиную, она как ни в чем не бывало кладет продукты на стол, словно именно за ними и выходила. Эбба одобрительно кивает и тянется к соку, что-то бормоча на шведском.

– Она говорит, что тысячу лет не пила апельсиновый сок, – охотно переводит Ян. – Ее помощница никогда его ей не приносит, вечно твердит, что он вреден для ее желудка, но фру Свенссон считает, что от одного стакана ничего не случится.

Рин кивает с улыбкой. Эбба что-то спрашивает, глядя на нее.

– Вы уже начали рисовать картину? – Ян переводит вопрос и застает Рин врасплох, она теряется на миг, не понимая, откуда Эббе известна цель ее приезда, потом у нее возникает догадка, что на маленьком острове, как в деревне, новости быстро облетают всех жителей.

Она пожимает плечами:

– Еще нет, но хотела начать сегодня. – Помолчав, добавляет уверенно: – Да, начну, после обеда. Кажется, день будет ясный.

Ян переводит Эббе ответ Рин, а следом передает Рин слова Эббы:

– Вам стоит поторопиться. Только что пришло уведомление о надвигающемся циклоне. Потому-то Элиас и не приехал, и правильно сделал, ведь в шторм очень опасно причаливать к берегам Тролляхола. Видели, какие здесь острые скалы? Их полно и на морском дне. Однажды даже Хуго на своем катере потерпел крушение, к счастью, отделался шрамом на подбородке. А могло быть и хуже! Зря он тогда не послушал Вильму. Она его заранее предупредила, а уведомление от метеослужбы пришло слишком поздно, когда он уже вышел в рейс. Вильма все знает о циклонах и штормах, она говорит с водой и ветром, ей не нужны никакие уведомления.

Монолог Эббы, который Ян исправно переводит, продолжается еще довольно долго. Хозяйка больше ничего не спрашивает, просто говорит и говорит без остановки – о погоде, о пошатнувшемся здоровье, о дурацких законах и много о чем еще, но, к разочарованию Рин, она совсем не упоминает о Лилли. Интересно, когда она обнаружит исчезновение дневника? Судя по ее рассеянному взгляду, не очень скоро. Хорошо, если так. Тогда, заметив пропажу, она не заподозрит Рин. Скорее всего, подумает на уборщицу и решит, что та куда-нибудь задела тетрадь, к примеру, сунула в мешок с мусором по ошибке. Но Рин надеется, что ей удастся вернуть дневник на место раньше, чем Эбба его хватится. Кажется, такой объем вполне реально прочитать за пару дней. А уж потом можно будет приступить к работе над картиной.

Рин не терпит вернуться домой, чтобы погрузиться в чтение, и она, дождавшись паузы, вежливо, но настойчиво заявляет, что ей пора идти. Ян тоже начинает прощаться. Эбба благодарит их обоих за то, что они к ней зашли, и просит заглядывать почаще. При этом она так и не произносит ни слова ни о Лилли, ни даже об Элиасе, словно начисто позабыла о своих детях.

Рин расстегивает рюкзак и осторожно достает оттуда толстовку, при этом дневник выскальзывает из рукава и остается на дне. Кроме него, больше внутри ничего нет. Она поспешно застегивает молнию, но прежде, чем половинки замка успевают сомкнуться, рука Яна ложится на одну из лямок.

– Давайте, помогу.

– Не стоит, он же легкий, почти пустой! – Рин поспешно выхватывает рюкзак и, перекидывая через плечо, холодеет от мысли: «Заметил или нет?»

9. Гримтурсены

Ян ведет ее к берегу теми же «тролльими норами», и Рин снова удивляется тому, как уверенно он выбирает нужный ход из множества других, с виду точно таких же, при этом не мешкая и не колеблясь ни секунды. Ходы вызывают у Рин мысли о гигантских чудовищах, в голову лезут неприятные воспоминания вчерашнего вечера, когда ей казалось, что скалы вокруг ожили и зашевелились, превратившись в каменных исполинов. От страха ее вновь прошибает холодный пот.

Но вот горные склоны остаются позади вместе со страхами: пространство распахивается, открывая взору прогретый полуденным солнцем берег и недвижную синеву, морскую и небесную, в которой искрами мелькают солнечные блики и белыми бумерангами проносятся быстрые чайки. Слева виден дом Юхана. Отсюда он выглядит хрупким и беззащитным. Задней стеной он упирается в скалу. Кажется, что он жмет к ней, как загнанный в угол зверек. Все остальные дома, которые видела Рин на этом острове, находятся позади горной гряды с останками древней крепости: сторожевой башней с дощатым настилом вместо крыши и частью крепостной стены с зубчатым краем. Интересно, почему Юхан живет на отшибе, тогда как все островитяне поселились за «каменным щитом»? Он говорил, что дом построили его предки. Случайно ли они выбрали место, открытое с моря? Или это было сделано намеренно, чтобы раньше других жителей замечать прибывающих на остров гостей? Даже дом Вильмы, стоящий на отдельном островке, выглядит более защищенным, потому что его прикрывает целый часток торчащих из воды скал, не позволяющих приблизиться к Тролльхолу судам и лодкам с той стороны.

Но, если верно предположение о том, что предки Юхана хотели первыми видеть чужие суда, то, спрашивается, зачем им это было нужно? Ведь дом, хоть и построен очень давно, а войны викингов к тому времени уже отшумели, границы Швеции, Норвегии и Дании были окончательно определены и с тех пор уже не менялись. Что-то в этом кажется Рин неправильным и тревожит ее.

– Ну как, дальше сами доберетесь? – раздается над ней голос Яна.

Она поднимает голову и выдавливает улыбку, но ощущает ее как безобразную гримасу: лицо ее скривляется в судороге от мысли, что замок на рюкзаке мог растянуться на ходу. Вдруг дневник Лилли торчит наружу, и Ян видит его прямо сейчас? Интересно, он знает, что это за тетрадь? И читал ли то, что в ней написано? Странно, почему тетрадь лежала на видном месте? Неужели Эббе все равно, что секреты ее дочери могут стать известны посторонним?

Рин снимает рюкзак со спины. Ее пальцы скользят по застежке-«молнии». Вздых облегчения: замок застегнут. Почему же у Яна такой вид, будто он ее в чем-то подозревает? Хотя нет, что за глупости, у Яна обычный вид, если можно назвать обычным блаженно-улыбчивое выражение лица и расфокусированный взгляд. Ян умственно неполноценный, наверняка невнимательный, ничего он не заметил. «Это называется, на воре и шапка горит!» – одергивает себя Рин.

– Конечно, дойду. Спасибо, что проводил.

– Хорошего дня! – Ян кивает и зачем-то направляется к пирсу. Лодки Хуго там уже нет, и Рин недоумевает, для чего парень идет туда, но потом замечает, что у одной из металлических опор стоит его фэтбайк.

Ян ныряет под настил, пару секунд возится там с замком и выкатывает оттуда велосипед. Вскочив на него, он машет Рин длинной тощей рукой. Рукав толстовки сползает до локтя, открывая крупную татуировку на запястье в виде трех переплетенных между собой треугольников. Рин машет в ответ, чувствуя, как неприятный холодок щекочет ее сердце: кажется, что татуировка похожа на какой-то оккультный символ. Внезапно ее сотрясает дрожь от догадки,

что она уже видела эту руку – та скользила по стеклу, замазывая его грязью. Точно, это та же самая рука, похожая на жердь, и нечто вроде такого же знака было на ней, только тогда этот знак показался Рин грязными разводами от того, что рука мелькнула и исчезла слишком быстро.

– Я-ян! Я-ян, постой! – кричит Рин в его удаляющуюся спину и, сорвавшись с места, мчится вслед за парнем. – Я знаю... знаю, что это ты... испачкал окно... но зачем?! Зачем ты это сделал?! – Налетев на него, она выдыхает эти слова прямо ему в лицо вместе с возмущением, поднявшимся внутри горячей волной.

Ян опускает голову и молча стоит перед ней, сжимая руль велосипеда. Костяшки пальцев выпирают острыми зазубринами.

– Я две ночи не спала, слышишь, ты?! Мне было страшно!

– Было бы еще страшнее, если бы я этого не сделал, – шепчет Ян, натягивая на голову капюшон, будто тот мог защитить его от гневных нападков.

– Что? Почему? Что за бред? Ты сумасшедший, да? Кажется, все вы тут какие-то сумасшедшие, каждый по-своему.

Рин не надеется услышать вразумительное объяснение, но Ян начинает говорить:

– Не злись, я хотел как лучше. Это нужно было для защиты.

– Но от кого может защитить грязь на окне?

– От grimтурсенов.

– Что? Грим... рутс... Пф-ф! Впервые слышу это слово.

– Гримтурсены – это предки троллей и ётунов, предвечные великаны из мира льда и мрака. Они бродят здесь по ночам и заглядывают в окна в поисках чужаков.

– Ага, вон как... Фроя говорила что-то похожее, что-то о троллях, которые когда-то давно были призваны для защиты острова от врагов и до сих пор обитают здесь.

– Ну, она немного упростила. Всем известно, кто такие тролли, а о grimтурсенах слышал не каждый. Они как тролли, тоже огромные и каменные, только заледенелые. Их пальцы могут удлиняться и превращаться в сосульки, острые, как ножи. Ими grimтурсены убивают чужаков. Пронзают насквозь, и человек умирает от лютого холода даже раньше, чем от ран.

– Чужаков, значит... Только Фроя заверила меня, что я – гостья, и мне ничего не угрожает! – возражает Рин. – Или у вас тут у каждого своя легенда?

– Нет, Фроя все верно сказала, но... гость может перестать быть гостем, если захочет завладеть тем, что ему не принадлежит. Это значит не только украсть чужую вещь, нет. Даже если гость решит поселиться на нашей земле без согласия остальных жителей, он станет врагом, тогда grimтурсены могут почуять и убить его.

– Поня-атно. И грязь на окне их, конечно же, остановит! – у Рин вырывается насмешливое фырканье.

– Да, остановит. Это особенная грязь. Точнее, грязь обычная, но смешана с особенной травой. Они не смогут ни увидеть тебя, ни почуять. Для этого достаточно даже плотно закрыть окно шторами и не выглядывать в него ночью. Но ведь ты бы не послушала, если бы незнакомый парень пришел и сказал тебе об этом, так ведь?

– Я бы всю ночь пялилась в окно, сгорая от любопытства! – Рин согласно встряхивает головой и, смеясь, хлопает Яна по плечу. – Что ж, спасибо тебе за заботу. Только обещай не делать так больше, ладно? Я ведь в полицию заявить хотела! Если б не сломанный телефон... Ты рисковал нажить себе неприятности.

– Знаю. Но я надеялся, что Фроя в случае чего все тебе объяснит.

– Она знала, что это ты?

– Не думаю. Но она должна была догадаться, что это для твоего же блага.

– Хм... Она говорила, что мне вообще ничего не угрожает на острове. Вообще ничего! Почему она не сказала тогда, что не надо смывать грязь с окна?

– Ну... – Ян переминается с ноги на ногу. – Думаю, она посмотрела на тебя и поняла, что ты не превратишься из гостя во врага. А я-то тебя не видел, просто узнал, что на остров приезжает девушка и будет жить в доме Юхана, вот и решил принять меры предосторожности.

– То есть, ты пытался защитить незнакомую девушку, даже если она, то есть, я, прибыла сюда с враждебными намерениями?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.